

ՅԻՏՈՑՄԵՆ ՈՒՆԵՐՈՒՄԵԱ

ՁՅՅԱՅԵՐԸ ՊՆԵՆՅՅԵՂԻՉ

Երևանի քաղաքում

1871

0. 260

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ОТЪ ТИФЛИСА ДО МЦХЕТЫ.

Платона Юсселиани.

Дѣйствит. члена Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей, члена корреспондента Императорскаго С.-П.-Б. археологическаго и нумизматическаго, и члена королевскаго Аѳинскаго древностей и Парижскаго de la Société Asiatique.

5804

Quamvis obstet mihi tarda vetustas,
Multaque me fugiant primis spectata per annis,
Plura tamen memini, nec quae magis haereat
illa.

Pectoro res nostro est.

Ovid. Metam. XII. 182.

ТИФЛИСЬ.

1871.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

**Князю Василю Николаевичу Аргутинскому-
Долгорукому.**

Перепечатано изъ газеты «Кавказъ» на
1871 годъ, №№ 19, 24, 40, 45 и 48

Handwritten signature in blue ink, possibly reading 'Л. Д. Д.'

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ОТЪ ТИФЛИСА ДО МЦХЕТЫ.

*(Посвящается князю Василию Николаевичу
Аргутинскому-Долгорукому).*

I.

Тифлисъ древній мною уже описанъ. Начинаю описаніе мѣстъ отъ Тифлиса до Мцхеты. Оно имѣетъ въ виду древность, малоизвѣстную. Знаніе минувшаго необходимо: безъ него нѣтъ настоящаго и будущаго: не изучается ни то, ни другое.

Прошедшее народа достойно вниманія не только для археолога, но и для современныхъ. Оно, конечно, есть могила, въ которой нельзя жить никому, но она не должна быть лишена чести уваженія должнаго: дол-

жна быть изучаема. Объ этой жизни прошедшаго путешественники, достойные своего призванія научнаго, сказали мало, неполно. Свѣдѣнія древняго міра о Кавказѣ и царствѣ подъ его пятою, дошедшія до насъ, являются рапсодическими, отрывочными. Эти свѣдѣнія, при всей сжатости ихъ, требуютъ глубокаго и тщательнаго изученія мѣстности и повѣрки съ лѣтописями современными и мѣстными.

Изъ повѣйшихъ археологовъ Шарденъ, Гюльденштетъ, Дюбоа, Броссе и другіе, имѣвшіе различныя цѣли, сдѣлали многое, но не вполне описали достойное вниманія, по недостатку времени и другимъ причинамъ. Болѣе свободный и по ихъ слѣдамъ, примѣромъ ихъ поощряемый въ розысканіямъ, рѣшаюсь на подвигъ подробнаго, по силамъ моимъ, описанія мѣстъ по пути небольшому, но замѣчательному событіями. Мѣста эти рисуютъ путнику картину древняго положенія народа, ихъ населявшаго. На нихъ представляется великая драма древняго человѣчества подъ щитами Кавказа. Это циркъ гробницъ и могилъ древня-

го міра съ героями его вѣрованій, подвиговъ политическихъ и общественныхъ, времени дѣтства, зрѣлыхъ лѣтъ и дряхлости, варварства и цивилизаціи. Незнакомый съ исторією своего народа сравнивается съ членомъ такого рода, который знаетъ наслѣдіе свое древнее, но не знаетъ ни отличій, ни дѣтла, ни значенія своего и предковъ своихъ.

Необходимо быть проникнутымъ сказаніями о прошедшемъ. Надъ ними парить сонмъ великихъ именъ древняго и новаго міра, геніевъ наукъ и искусствъ. Путникъ по краю, безъ знанія объ этихъ именахъ, и безъ говора и общенія съ ними явится осужденнымъ на печальное молчаніе и бесплодное странствованіе. Онъ — Измаиль, оторванный отъ домашняго очага и удаленный въ пустыню внѣ круга благословенія небесъ. Онъ — шумный, кичливый, тревожный, ожесточенный боець на полѣ изгнанія.

Желающій имѣть предъ собою широкій горизонтъ долженъ подняться на высоту. Исторія подниметь на эту вершину и вы-

соту познаній умъ и взоръ, ею вооруженный,—увидитъ прошедшее, воспользуется настоящимъ и можетъ прозрѣвать будущее.

Описание моего пути должно быть не только географическое, но и историческое. Исторія—вѣстница древностей—какъ бы она ни была писана, и учитъ, и занимаетъ, и услаждаетъ читателя, говоритъ Цицеронъ: *Historia, nuncia vetustatis, quoquo modo scripta delectat.* (IV. 319.) Исторія сама по себѣ занимательна для читателей, говоритъ Витрувій (*Tenet per se lectores historia.*)

II.

Отъ временъ древнихъ, отъ временъ доисторическихъ, еще въ эпоху мифъ и въ періодъ образованія мифологіи, во мракъ которой зачинается исторія, Кавказъ является на сценѣ событій міра. Мосохъ и племя его мосхійское, Тоболь и Тибаренцы, Фисонъ—одна изъ рѣкъ земнаго рая, прилагаемая къ Фазису, Гоги и Магоги, находямые въ горахъ Кавказа, указываются первымъ въ мірѣ писателемъ Моисеемъ и пророками. Ученые, сказанія эти именуютъ

библейскими. На нихъ опираются все комментаторы священныхъ книгъ и историки, глубоко розыскивающіе во тьмѣ вѣковъ начало царствъ и народовъ. Ни одинъ изъ этихъ ученыхъ не доказалъ еще научно подлинности индѣйскихъ и китайскихъ книгъ, предполагаемыхъ деистами и учеными односторонними, древнѣе Моисеевыхъ. Напротивъ, болѣе доказаннымъ является то, что понятія о Богѣ, человѣкѣ и мірѣ древнихъ народовъ заимствованы отъ религіи древней, временъ общенія перваго человѣка съ Богомъ, и что эти понятія съ разсѣянiемъ племенъ по міру, въ началѣ перваго толчка ихъ движенію, исказились. Вообще сочиненія, противопоставляемыя священному имени отца историковъ древняго міра, увлекли своими догадками многихъ, но не убѣдили еще науки. Ихъ шествіе въ храмъ науки—есть шествіе самозванца къ трону и святилищу знаній, пугливое, робкое, какъ тѣнь рисуемая воображеніемъ, и какъ сновидѣніе сильное пробужденнаго. Торжественнаго входа его дверями науки въ святилище науки еще нѣтъ, какъ нѣтъ еще

торжественной встрѣчи, безъ которой не обходится никакое, ни въ искусствахъ, ни въ наукахъ открытіе.

III.

Эти сказанія древняго міра, сообщаемыя намъ на письменахъ за 4,000 лѣтъ, дороги и поразительны для науки. Они приурочены къ тѣмъ слѣдамъ указаній глубокой древности, откуда начинается мое шествіе къ древнему, историческому городу Мцхеты.

Тифлисъ, пишетъ Вольней, древень. Онъ Тоболь библейскій. Мцхета—это столица месховъ или мосоховъ библейскихъ, говоритъ намъ само названіе. До XIV вѣка это названіе *месхійское* (მეხი) и въ устахъ народа грузинскаго и въ лѣтописяхъ его и въ хартіяхъ Птолемея Μεστλητα и подъ перомъ грузинскихъ писателей было какъ бы общимъ названіемъ племени грузинскаго народа, получившаго начало и извѣстность въ верховьяхъ Кура и въ ущельяхъ лихскихъ горъ, отдѣлявшихъ Имеретію отъ Грузіи, или по выраженію грузинскихъ географовъ (საქართველო) *Амеръ-имеровъ* (სა

et trans) или же по словамъ греческихъ и римскихъ космографовъ Колхиду отъ Иверіи.

IV.

Кавказъ и до образованія подъ пятою его въ ущельяхъ и долинахъ живописныхъ, царства за три вѣка до Р. Х. входилъ въ составъ земель союза просвѣщенной Азіи. Народъ его господствующій картлосіанскій или грузинскій, извѣстный въ устахъ грековъ подъ именемъ иверскаго съ одной стороны и колхидскаго со стороны береговъ Понта, является на сценѣ исторіи древняго міра очень рано. Персы считали ихъ за 17 и 19 сатрапій своей обширной монархіи, какъ пишетъ Геродотъ (1). Аргонавты посѣтили ее за 12 вѣковъ до Р. Х., какъ пишутъ греческіе поэты и историки.

Аргонавты, посѣтивъ городъ Эа, извѣстный во время Р. Х. подъ именемъ *Археополиса*, т. е. древняго города (оцъ-же *Накалакеви* на языкѣ грузинскомъ, подъ тѣмъ же этимологическимъ значеніемъ греческаго названія), нашли уже цивилизованный го-

(1) Lib. 111. 49.

родъ, къ изумленію всей Греціи и рыцарей
Фессалии. Этотъ городъ, это мѣсто свя-
щенно въ исторіи міра. Въ немъ отрази-
лось первое движеніе ума и торговли евро-
пейской къ отдаленному пункту древняго
азіятскаго просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣній,
что гражданственность его предшествовала
колоніямъ греческимъ и что она занесена
туда изъ глубины Азіи. Эхо этой граждан-
ственности, до нынѣ слышно въ начаткахъ
исторіи рода человѣческаго и космографіи
древней. Легкія указанія древнихъ какъ по
колхидѣ, такъ и по колоніямъ ихъ на во-
сточныхъ берегахъ Понта, получаютъ даль-
нѣйшее раскрытіе подробное. Мало для на-
уки то, что указано намъ учеными путеше-
ственниками Европы. Они бросали взоры
на край, на лѣту. Имъ честь и слава. Намъ
предстоитъ другая честь, съ указаніями на
древнія сказанія, вызвать классическія мѣ-
ста на отвѣтъ съ подробностями исповѣди
физической, моральной и религіозной ихъ
жизни. Этотъ трудъ возлагается на тѣхъ
сыновъ народа, населяющаго эти мѣста,
которые получаютъ воспитаніе европейское.

Всѣ другіе, внѣ мѣстной сферы, по многимъ причинамъ, не столько принесутъ пользы, сколь вреда наукѣ. Опыты подобныхъ попытокъ людьми, непосвященными въ таинства края и народа, доказываются несчастными для науки ихъ произведеніями. Это явленіе темныхъ силъ въ свѣтломъ краѣ. Въ храмѣ науки нѣтъ имъ мѣста.

V.

Сказаніе объ аргонавтахъ, городъ Эа, царь его Аэть и проч. воспѣто еще Орфеемъ (2) и Аполлономъ родосскимъ за 217 лѣтъ до Р. Х. Въ этомъ сочиненіи упоминаются Кавказъ, рѣка Фазисъ, народъ каспійскій и др. Взору историка является и поэтъ Эпименидъ (650 до Р. Х.), воспѣвшій тѣхъ же Аргонавтовъ, и Гомеръ, ясно указывающій на Колхиду, какъ царство мудраго Аэта. Блестящее озеро солнца, имъ воспѣтое, отдѣляемое отъ океана мѣдными стѣнами, ученые объясняютъ не ясною идеею моря Каспійскаго (3). Самое назва-

(2) Mannert, *Geographie der Griechen und Römer*, Tom. IV. s. 27.

(3) *Odyss.* 1. X. Илиады, пѣснь 1. *Géographie de Maltebrun*. Tom. 1.

ніе *Азіи* на языкѣ пельвійскомъ означаетъ виноградъ и вино. Оно дано тому мѣсту, гдѣ началось воздѣлываніе винограда. На грузин. языкѣ слово *вази* (ვასი) означаетъ виноградную лозу.

Циндаръ въ одахъ Циѳійскихъ Иродоту Циѳійскому, восклицаетъ: «*льтомъ приходилъ къ Фазису; зимою приплывалъ къ берегамъ Нила.*» Изъ этого видно, что рѣки эти въ его время означали крайніе предѣлы міра. Такъ и по Страбону (4), Геродоту (5) и Еврипидовой Андромахіи (6). Замѣчательна въ этомъ случаѣ древняя пословица грековъ: *Fasis usque navigat* (доплывалъ до самаго Фазиса), подобно Геркулесовой: *Nec plus ultra* (7).

Аристотель (8) именуетъ Каспійское море озеромъ, и въ этомъ видѣ на картахъ Пто-

(4) Lib. XI.

(5) Lib. IV. § 45.

(6) Pag. 651.

(7) Erasmi Chil. 11. Cent. IV.

(8) Meteorolog. Lib. VII. Cap. V. Тоже подтверждаетъ Diod. Sicil. Lib. XVIII. § 5. и Птоломей Geogr. VII. cap. V.

ломея сохранило оно свой сжатый и округленный видъ.

Гезіодъ Аскрейскій, почитая Аэта сыномъ солнца, озаряющаго смертныхъ, пишетъ, что онъ вступивъ по совѣту боговъ съ дочерью рѣки океана Лѣноланитою Идіею, а эта красавица, будучи усмирена златовласою Венерою, родила по любви къ ней, одаренную прелестными ножками Медею (9).

Основываясь на указаніяхъ пророковъ Исаи и (10) Іезекіиля (11) на распуты догадокъ, только съ любопытствомъ останавливаемся на томъ новѣйшемъ объясненіи *Фисона*, одной изъ рѣкъ рай, котораго находятъ въ Фазисѣ или Ріонѣ Колхидскомъ. Таково и мнѣніе Розенмюллера (12). Такъ понимали и древніе Евреи. Такъ именуется его въ Колхидѣ Прокопій, писатель временъ Юстиніана, — *clarissimus Ponti fluvius Phasis* (13).

Золото въ этой рѣкѣ по Моисею, считав-

(9) Theogon.

(10) 37. 12.

(11) 27. 23.

(12) Bibl. Archeologie. Tom. 1. p. 191. und 202.

(13) De bello Pers. Lib. 11. cap. 30.

шееся наилучшимъ объясняется и самимъ названіемъ золота на еврейскомъ языкѣ *уфаза* или *офаза* у пророка Іереміи (14), золото свѣтлаго у Соломона (15) и Іова (16), гдѣ упоминается о золотѣ Фаза.

VI.

Св. Іеронимъ, великій толкователь священныхъ книгъ пишетъ, что ап. Матѳей проповѣдывалъ во второй Еѳіопіи (названіе современное и до него древними Колхидѣ), гдѣ рѣки Апсара и Гисса текутъ въ море (17). Тоже читаемъ у церковнаго писателя Софронія (18): ап. Андрей проповѣдывалъ въ Севастополѣ великомъ, по близости котораго бросаются въ море рѣки Апсаръ, равно какъ и Фазъ. Еѳіопляне населяютъ эту землю.»

Гоги или магоги,—это родоначальники скифовъ, обитавшихъ близъ Кавказа, кото-

(14) X. 9.

(15) Пѣснь пѣсней V. 15.

(16) 22. 24. (Въ евр. текстѣ).

(17) Ubi est irruptio Apsari et Nyssi. portus. Рѣки эти въ Колхидѣ. Periplus pag. 32. Arriani. Pont. Euxin. pag. 1. (Editio Huds).

(18) Geogr. Sacra Bocharti Lib. V. cap. 31. §. 286.

рый именовался древними Gog-chasan, т. е. укрѣпленіе Гога, а въ устахъ грековъ, смягчившись, явилось слово Каухасос. Бохартъ принимаетъ Магога за одно съ Прометеемъ ⁽¹⁹⁾. Магометь повторяетъ это преданіе древнее о Гогѣ и Магогѣ въ своемъ коранѣ ⁽²⁰⁾, полагая ихъ укрѣпленіе въ Даріалѣ Кавказа, извѣстномъ у Плинія и Страбона подъ именемъ воротъ Кавказа ⁽²¹⁾.

Подъ именемъ мосоховъ библейскихъ ⁽²²⁾, Иосифъ Флавій разумѣетъ иверцовъ ⁽²³⁾ а подъ именемъ потомковъ Торгамоса Библейскаго у Іезекіиля ⁽²⁴⁾ Армянъ, Иверцовъ и обитателей горъ Кавказа ⁽²⁵⁾. Евсевій Тувала и Мосоха считаетъ за одинъ народъ ради того, что пророкъ Іезекіиль соединяетъ ихъ ⁽²⁶⁾. Страбонъ въ землѣ мос-

⁽¹⁹⁾ Phaleg. Lib. 1. cap. 11.

⁽²⁰⁾ Соч. мое: Описаніе г. Душета. Въ коранѣ именуются они *Яджуджи* и *Маджуджи*.

⁽²¹⁾ *Pylae Caucasiae.*

⁽²²⁾ Быт. гл. X.

⁽²³⁾ *De Antiquit. Jud. Lib. 1. cap. VI.*

⁽²⁴⁾ Іезек. 37. 14.

⁽²⁵⁾ Моис. Хор. кн. 1. гл. 8. 24.

⁽²⁶⁾ *Chron. Fragm. Graec. pag. 12.*

ховъ полагаютъ и иверцовъ (27). Мѣсто пророка Іереміи (28) о народахъ населяющихъ Кавказъ называетъ армянъ и асканезцовъ. Святый Ефремъ Сиріанинъ (29) говоритъ: «это были народы горъ Курдистана и пограничные имъ армяне и скифы, люди храбрые (сильные). *qui Medos in eo bello sequuti sunt*,—слѣдовавшие всюду въ походахъ мидянъ. Жившіе между скифами и армянами Иверцы, во время Кира были подвластны персамъ, какъ пишетъ Геродотъ и слѣдовательно могли быть на войнѣ съ Киromъ противъ Вавилона за 544 года до Р. Х.

Пророкъ Іезекіиль, упоминая о Месхахъ говоритъ, что «Мосхи и Тубаренцы торговали въ Тирѣ рабами и мѣдными сосудами». Бохартъ справедливо замѣтилъ, что въ Иверіи и Колхидѣ много мѣди и жители весьма склонны къ употребленію мѣдныхъ вещей. О рабахъ и рабствѣ между ими

(27) Lib. XI.

(28) Гл. 51. 27.

(29) Tom. 11. pag. 161. Traduction de jesuite Pierre Benoit.

давно извѣстны древнему міру ⁽³⁰⁾. Во времена Лукулла въ Понтѣ и Каппадокии, со-сѣднихъ Тибаренцамъ, рабъ стоилъ 4 драхмы. Мѣдное богатство этихъ мѣстъ, воспѣ-то и Горациемъ ⁽³¹⁾.

*Mancipiis dives, eget aeris Cappadocum
Rex.*

Это, — тѣ самые Месхи, съ которыми между прочими народами сѣв ера, вели торговлю и финиціане. «Мы объ этой третъектас-ной отрасли финикійской торговли, пишетъ Герень ⁽³²⁾, не знали бы ничего, еслибы пророкъ Іезекіиль не упомянулъ объ ней. Никто изъ греческихъ писателей, сколько мнѣ извѣстно, не зналъ ее». Къ этимъ свѣ-деніямъ относятся и слова пророковъ Іои-ля ⁽³³⁾ и Амоса ⁽³⁴⁾, которые вмѣняютъ въ порокъ и преступленіе Тиру торговлю не-вольниками. Укертъ ⁽³⁵⁾ доказалъ, что фини-

⁽³⁰⁾ Herodot. Lib. III. cap. 99.

⁽³¹⁾ Ep. VI. Lib. 1.

⁽³²⁾ Du commerce des peuples de l'antiquité. Tom. 11. pag. 143 et 145. (Изд. 1833 г.).

⁽³³⁾ Гл. IV. 1—8.

⁽³⁴⁾ Гл. 1. 9.

⁽³⁵⁾ Geographie der Griechen und Römer. Theil 1. s. 10. 321.

кіане, совершая путешествія по Черному морю, и имѣя уже на Егейскомъ морѣ свои колоніи, познакомили грековъ съ берегами морей. По слѣдамъ указаній финикіанъ, какъ своихъ учителей, пустились и аргонавты.

VII.

Царство грузинское, обхватившее перешеекъ Кавказа, богатый живописною мѣстностію, роскошной производительностію почвы, дѣлило славу древнихъ царствъ, съ которыми оно было въ союзѣ еще на зарѣ *вѣковъ*. Индія, какъ ключъ отъ сокровищницы умственныхъ, общественныхъ и религіозныхъ идей, занесенныхъ туда отцемъ вѣрующихъ, даровала ему письмена. Грузинскія буквы есть тѣже буквы санскритскія нарѣчія Дева-Нагари. Письмена, какъ символы идей, сообщили грузинскому народу понятія древнихъ вѣрованій. Онъ чтить Бога въ идолопоклонствѣ во всѣхъ его видахъ. Онъ зналъ пророчество съ ея магами, хранителями огня. Онъ былъ подъ вліяніемъ зороастра и его ученія, объявшаго почти всю Азію. Его увлекли было антро-

пофаги, затоптанные скоро проповѣдію религіи, основанной на поклоненіи солнцу, лунѣ и звѣздамъ небеснымъ. Астрологическая религія Македоніи, водворена мечемъ героя македонскаго отъ высотъ Кавказа до береговъ Инда и предѣловъ Турана. Въ подтвержденіе словъ груз. лѣтописца, замѣчательныя слова Плутарха: «ради Александра, Бактріана и Кавказъ стали поклоняться богамъ греческимъ».

Propter Alexandrum Bactra et Caucasus Graecorum Deos adorarunt ⁽³⁶⁾. Религія Христа, разсѣявая мракъ заблужденій, утвердилась въ груз. народѣ и ее не могъ поколебать самый исламизмъ грозно, и побѣдительно шествовавшій къ его царственному храму. Шестимилліонный народъ еще при Тамерланѣ, (такъ по вѣрнымъ даннымъ Да неизумляется числу сыновъ народа, не изучившій прошедшее народа!) крѣпко оберегалъ эту религію Христа, плодovitую для челоувѣчества, какъ плодovitъ умъ челоувѣческой, значеніе котораго только и объясняется и поддерживается христіанствомъ.

(36) De fort. Alexandr.

Христіанство есть дополненіе недостатковъ Ума, свѣтъ высшій для освѣщенія всѣхъ способностей души, въ ея вѣчномъ прогрессивномъ ходѣ по пути розысканій о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Только христіанство и только оно способно дать свободу чело- вѣку, которой онъ ищетъ по основной идеѣ о любви христіанской, *распространяющей сердце*, по выраженію ап. Павла. Только объятія безпредѣльнаго пространства сердца, могутъ упрочить идею всемірнаго братства подъ высокою охраною одного отца небеснаго. *Отче нашъ!* восклицаетъ спаситель, давъ намъ высокую молитву, основу всѣхъ молитвъ, зиждительницу другой высоко философской, достойной разума и значенія челоувѣческаго молитвы, созданной молящеюся, воинствующею на землѣ церковію «о мирѣ всего міра». (*ὑπὲρ τῆς εἰρήνης τοῦ σὺμπαντος κόσμου*).

VIII.

Населеніе города Тифлиса, внѣ стѣнъ его древнихъ, разрушенныхъ недавно, при нашихъ глазахъ, оканчивалось къ сѣверу *Верійскимъ* спускомъ. Церковь во имя св. Ан-

дрия Первозваннаго съ ея древними фризами и надписью была послѣднею съ этой стороны. Она, служившая до нынѣ хранилищемъ пороха, ожидаетъ возстановленія въ своемъ назначеніи и образованія изъ нея прихода для умножающагося городскаго населенія. Двѣ другія по подолу горныхъ высотъ селенія *Цкнети* (ჭკნეთი) исчезли въ XVII вѣкѣ.

Эта древняя грань столицы царства украсилась въ 1837 году памятникомъ, напоминающимъ посѣщеніе города императоромъ Николаемъ I. На пьедесталѣ изъ прекраснаго кавказскаго базальта красуется въ большемъ размѣрѣ крестъ чугунный съ надписью словъ пророка: «Живый въ помощи вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится». Крестъ—сила вѣрующихъ, будетъ долго напоминать спасительную вѣру царя благочестиваго въ силу промысла Божія, спасаго его отъ угрожавшаго ему паденія съ коляски при спускѣ Верійскомъ, нивилированномъ и поправленномъ послѣ печальнаго, но имѣвшаго счастливый исходъ событія. Память

никъ этотъ вполне приличенъ и событію и Тифлису христіанскому, подъ знаменемъ креста зачатоу, существовавшему и продолжающему свое дальнѣйшее процвѣтаніе. Крестъ, въ основаніи города, подоженный, неодолимъ врагами ни физически, ни умственно. Его колеблють умы невѣрующихъ въ его силу, какъ колеблетъ дуновеніе вѣтра листь деревь. Въ указаній креста— нѣтъ пути къ жизни. Въ свѣта его— нѣтъ свѣта для ума, ищущаго истины, добра и красоты— основъ твердыхъ для счастья и благоденствія рода человѣческаго. Религія креста Христова, въ какихъ бы формахъ она ни являлась, есть и будетъ инстинктивно врожденною, присущею душѣ, душою души человѣческой.

Народъ грузинскій, воспитанный въ идеяхъ креста, всегда считался и врагами его и не врагами или мнимыми друзьями, неодолимо свободнымъ. Онъ былъ дѣйствительно свободенъ, потому что былъ сильнымъ. Онъ былъ сильнымъ, потому что онъ опирался на убѣжденіяхъ крѣпкихъ науки о крестѣ, какъ на сильной опорѣ существо-

ванія царствъ и народовъ. Не безъ причины писалъ мудрый Надиръ, шахъ къ правителю своему въ Тифлисъ: «Не раздражать грузинъ, сильныхъ върою въ христіанскаго Бога». Такъ все было проникнуто върою въ крестъ, даже самое оружіе народа и царей. Замѣчательна надпись на ружьѣ царя Ираклія 1 (1675—1710) (1).

იხაკლის სიქადულა, სძლეველა მტერთა,
ჯუჯარა ქრისტესა!

Хвала Ираклія, одолѣніе враговъ, ты крестъ Христовъ!

IX.

Вера въ устахъ народа, или правильнѣе *Вере*, есть древнее мѣстечко или предмѣстіе города. Названіе это, созвучное слову «Иверія», ввело нѣкоторыхъ въ этимологиическую ошибку.» Подъ такимъ названіемъ извѣстны двѣ другія мѣстности въ Грузіи: около Аteni, карталинскаго ущелья, и въ Сквирети.

Ущелье *Верійское* всегда было богато садами фруктовыми и виноградными. По не-

(1) Соч. мое: Описаніе древностей Тифлиса. Стр. 186.

му протекаетъ рѣчка *Вера*, орошающая сады, а въ древности двигавшая жернова мелкихъ мельницъ для селеній, по сторонамъ ея теченія бывшихъ, уцѣлѣвшихъ до нынѣ и исчезнувшихъ въ дни печальные края отъ бродившихъ по нему грозныхъ сыновъ Дагестана.

Надъ потокомъ рѣчки *Вера*, раздѣляющемъ ущелье, устроенъ мостъ каменный древними царями. Обновитель его есть царь Ростомъ (1634—1658), тотъ самый, который построилъ на р. Храмъ мостъ замѣчательный своею архитектурою, извѣстный подъ именемъ *краснаго* на русскихъ вартахъ и у грузинъ *разбитаго*, *треснувшего* (ზებოჯო ვაგო).

X.

Въ верховьяхъ рѣчки *Вера* цѣла еще великолѣпная церковь Бетанійской или Виѳанской Божіей матери. Она построена царицею Тамарою (1184—1212). Вся раскрашена живописью византійскою, вполнѣ сохранившеюся до нашихъ дней. Была усыпальницею членовъ рода князей Барато-

выхъ. Палестинская Визанія дала ей названіе и существованіе. Струи Кедрона и Силоэ, приурочены къ этому мѣсту, по-этическому мѣстоположеніемъ, значеніемъ, именемъ царицы—предмета дѣсноуѣннѣй, творившей ученыхъ, героевъ и поэтовъ, какъ умовъ выпренныхъ, парящихъ (*Mens divinior*) на крыльяхъ словъ языка, образовавшагося по лирѣ высокой пророковъ и отцевъ церкви христовой.

Свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ въ 1848 году осмотрѣлъ эту мѣстность, посвященную христіанскимъ гениемъ царства, царицею Тамарою владычицею небесъ и земли. На сѣверной сторонѣ храма есть и портретъ самой царицы, подносящей Божіей матери храмъ, ею созданный. Этотъ портретъ скопированъ тогда же княземъ Г. Г. Гагаринымъ и отлитографированъ въ Тифлисѣ. Не можемъ не вспомнить объ этой эпохѣ при имени князя М. С. Воронцова. Пробудились музы мира и мирныхъ занятій среди громовъ въ Дагестанѣ. Изданіе древнихъ книгъ грузинскихъ, памятниковъ умственныхъ народа древняго, со-

зданіе театра для сцены создавшихся театральныхъ піесъ грузинскихъ и изданіе ихъ на свой счетъ, поощреніе академика Броссе къ собранію археологическихъ свѣдѣній о краѣ, порученіе князю Г. Г. Пагарину росписать византійскою живописью Сіонскій храмъ въ Тифлисъ, по остаткамъ древнихъ очерковъ на всѣхъ пунктахъ грузинскаго православнаго царства; разсѣяніе по краю виноградныхъ и фруктовыхъ деревьевъ, выписанныхъ имъ изъ благодатныхъ для нихъ мѣстъ Европы, очищеніе и облагороженіе музыкальнаго уха востока вызовомъ итальянской труппы для оперъ и проч. проч. — занимало его высокій умъ среди другихъ государственныхъ занятій. Будучи близкимъ къ этому геніальному правителю, ангелу-хранителю края, я позволю себѣ планъ и принципъ его дѣйствій выразить въ слѣдующей формулѣ, не развѣмною замѣченной: «Изучалъ прошедшее, какъ урокъ для будущаго, не сожалѣя о его потерѣ; надѣялся на будущее, разсѣвая новыя идеи и новыя понятія; приготовлялъ къ лучшему и природу и людей, не замѣчая какъ-бы за

ихъ недостатками. Этого правила мудрости политической строго, систематически, методически держался онъ самъ лично, не давая никому права измѣнять его. Воспоминаніе прошедшаго лучшаго—есть отрада для души человѣческой. Побуждаемый этимъ естественнымъ, человѣку присущимъ чувствомъ, опять позволю я себѣ сказать, что въ путешествіи съ нимъ отъ Тифлиса до Ахталы ⁽²⁾ въ дорогѣ, со всею смѣлостію и откровенностію, высказалъ ему угаданную какъ будто мною его политику. Онъ мнѣ съ удовольствіемъ отвѣтилъ: «Это не правило и система моя, а законъ, мудростію налагаемый на правителей для непремѣннаго исполненія высокой обязанности—любить народъ и вести страну къ улучшенію и совершенству.»

XI.

На близкомъ разстояніи отъ Бетанійскаго монастыря, по теченію рѣчки *Вера* тихой, какъ тихъ духъ отшельниковъ подъ сѣнію

²⁾ Путешествіе это было въ мартѣ мѣсяцѣ 1850 года. Тогда же издано онѣ въ Тифлисѣ.

храма, дышущій вѣрою въ заслуги Спасителя и любовью къ человѣку, но и шумной и волнуемой въ дни атмосфернаго шума, какъ шуменъ и волнуемъ духъ ревности къ идеѣ дома Божія, снѣдавшій самаго пророка (³) и преемниковъ его духа, — стражей небесной правды, среди неправды земной, — есть опустѣвшее мѣсто *Шавта* (შავთა). Здѣсь родился поэтъ времянь царицы Тамары, современникъ Шоты Руставели — царя грузинскихъ поэтовъ, поэтъ Абдуль-Мессія Шавтели (1150—1215).

ХII.

Названіе *Абдуль-Мессія* означаетъ на арабскомъ языкѣ «раба Мессіи». Въ эпоху калифовъ языкъ арабскій въ Грузіи, входившей въ VII и VIII вѣкахъ въ составъ калифата, былъ въ большомъ употребленіи. Названіе *раба Мессіи* усвоили намѣстники калифата. Слова эти являлись и на монетахъ ихъ чекана въ Тифлисѣ. Христіанское имя поэта при крещеніи неизвѣстно. Оно забыто монашескимъ именемъ Іоанна.

(³) შუბის სხლის შინის შემჯამე შუბის

Названіе «Шавтели» усвоено ему мѣстомъ «Шавта» — его рожденія. Кто былъ, чѣмъ былъ, неизвѣстно. Шота Руставели въ строфѣ 1637 въ числѣ другихъ поэтовъ, упоминаетъ и объ немъ, какъ *поэтъ, прославленномъ въ высокой наукѣ стихотворства.*

შავთელ-მკვლას შაკთელს, ჯეშის მის უკეს
გადედას.

Абдуль-Мессія Шавтійскій....

Всѣми стихамъ его воспѣвана хвала.

Католикось Антоній I (1712—1788) въ ямбическихъ стихахъ своихъ, воспѣвая ему панегирику, именуетъ его Іоанномъ въ иночествѣ, отцемъ церкви грузинской блаженнымъ, поэтомъ-философомъ, твердымъ въ мышленіи, свѣтлымъ въ поученіяхъ, богословомъ, ивъцомъ прославленнымъ Шотою Руставели и прославившимъ царицу Тамару въ стихахъ, понимаемымъ всѣми за предобнаго и за святость жизни предстоящимъ Богу (4).

(4) Изд. мое по приказанію князя М. С. Воронцова: похв. слова въ честь знаменитыхъ мужей царства, Тифлисъ, 1853. стр. 770. 771 (на груз. языкѣ).

ХІІІ.

Дошедшее до насъ его похвальное слово въ честь царицы Тамары состоитъ изъ 108 куплетовъ. Оно издано мною въ 1838 году въ Тифлисѣ по рукописи недавней, уступленной свѣтлѣйшему князю М. С. Воронцову для его библіотеки въ Алупкѣ. Изданіе это мое, въ первый разъ явившееся печатно, посвятилъ я царицѣ имеретинской Маріѣ Каціевнѣ, покровительницѣ моей въ годы моего воспитанія въ С.-П.-Б. (1831—1835). Размѣръ стиховъ поэта Шавтели есть александрійскій по роду стихосложенія, извѣстнаго у грековъ и Квинтиліана подъ именемъ Анталаклизисъ (Antanaclasis)⁽⁵⁾. Этотъ родъ стихосложенія введенъ въ грузинскую словесность поэтомъ времени Шавтели и Руставели Чахрухадземъ, который и далъ ему названіе *Чахрухійскаго* (ჩახრუხისუცესი). Игра словъ, выражающихъ высокія мысли поэта, необыкновенна. Она темна, но доказываетъ гибкость языка и богатства

(5) Повтореніе одного и тогоже слова въ разныхъ значеніяхъ, есть характеръ этого рода стихосложенія.

его. Знакомство поэта съ языкомъ греческимъ и его писателями, видно изъ многихъ его мыслей и именъ лицъ классическихъ генія Олимпъ, Аѳинъ, Родоса и мѣсть міра, ими завоеванныхъ для искусствъ и науки. Обиліе такихъ идей ума греческаго, парившаго надъ міромъ на крыльяхъ словъ высокихъ, научныхъ, безъ которыхъ не обходятся языки новые царствъ Европы—міра недавняго, наслѣдника сокровищъ искусствъ и ума міра древняго, — неповредило самостоятельности языка грузинскаго подъ перомъ поэта Шавтели. Читатель поэмы нигдѣ не встрѣчаетъ и солецизмовъ, грецизмовъ. Темныя мѣста, необъясненныя мною при изданіи, есть слѣдствіе частію оригинала, писаннаго неискусною рукою писателя книги, частію поспѣшности, съ какою я ее издалъ. Найду-ли время и средства къ отчетливому изданію этого классическаго сокровища?

XIV.

Переводъ съ одного языка на другой—подвигъ трудный. Это—второе рожденіе

и тѣмъ труднѣе, чѣмъ сложнѣе формы рожденнаго.

Мысль переводима или переходима съ одного языка на другой, но форма мысли, оттѣнки и гармонія ея неуловимы. Переводить мысль, значитъ ловить впечатлѣнія, недоконченныя мечты воображенія или душу самаго поэта и какъ-бы неопредѣленныя, несвязные звуки ея лиры. Чтоже останется въ рукахъ перелазгателя отъ такого, какъ-бы перерожденія мысли? То, что называется общимъ языкомъ человѣчества, понимающимъ себя, чувствующимъ себя, отзывающимся въ душѣ человѣка эхомъ живымъ, мелодіею человѣческой мысли. То, что въ наукѣ называется внутреннимъ чувствомъ. То, что Данте опредѣляетъ и разумѣетъ.

„Il parlar che nell' anima si sente..“

„ᲛᲗᲗᲗᲗ ᲗᲗᲗ, ᲗᲗᲗᲗᲗᲗᲗ ᲗᲗᲗᲗ ᲗᲗᲗᲗᲗᲗᲗ.“

Попытаюсь передать на русскій языкъ строфу 22 его пѣснопѣвнѣй, не ручаясь за успѣхъ въ передачѣ возгласовъ отъ струнъ высокой лиры поэта, пѣвца и Пинда и Сіона.

თუაღი ხარ ბრძანა, თუთ მზრდელი
უბრძანა;
მშვიდითა ზუგნი, უსახლო საბთული;
მამა ობოლთა, მკსაჯული ქუჩიკთა;
შიშუჭლოთ სამოხლად მინიჭებული;
მოხუცებულთა, შრომით რებულითა,
სიმტკიცის

კუჭრითხად მისაყრდნობელი;
მოგუთენ სიბრძნესა, წერილთ სიღრმესა;
თუთ განგუძარტებ, მადლთა მთხრობელი.

Ты глазъ слѣпымъ, сама кормилица дѣ-
тей;

Голоднымъ хлѣбъ, бездомнымъ домъ,
отецъ сиротъ, судія вдовъ,

Нагимъ въ одѣжду дарована ты.

Старцамъ, трудами удрученнымъ,
въ жезлъ опоры ты дана;

Проливаешь намъ мудрость, глубину
смысла книгъ ты объясняешь,

Вѣстница дѣлъ святыхъ.

Вотъ и переводъ этой же строфы на ар-
мянскомъ языкѣ, сдѣланный С. Е. Бастамо-
вымъ:

Աչք ես դու կուրաց, դայեակ մանկտույ,
Հաց ես քաղցելոց, անբնական օթ օթեան.
Հայր տածիչ որբոց, դատախազ այրեաց.
Մերկաց զգեստ ես 'ի վերուստ քաշխեալ.
Օտբոց հիւծելոց ցուպ ես հաստա-
հարուստ.
Յօղեա 'ի մեզ զինաստութիւն, զխորս
զրոց վարդապետես.
Գործոց բարեաց աւետիք սքանչանաս:

Этому же лицу обязаны мы переводомъ почти пятой части поэмы «Барсова кожа». Переводъ этотъ на народномъ армянскомъ языкѣ помѣщенъ имъ въ издававшемся съ 1860 по 1864 годъ армянскомъ журналѣ: «Журавль Арменіи». Не смотря на скромность перелагателя ихъ, боявшагося вопроса, могутъ-ли на необработанной пока тифлискаго прѣстонароднаго нарѣчія, почвѣ, рости цвѣты поэзіи Руставели?—переводъ риёмованный удался. Удался, говорятъ, и переводъ отрывковъ Руставели на польскомъ языкѣ, сдѣланный подъ надзоромъ поэтическаго же генія князя Г. Д. Эристова, издавшаго ихъ въ одномъ изъ польскихъ жур-

наловъ въ Варшавѣ въ 1836 году. Эти два лица достойно присѣдаютъ у святилища храма великаго поэта-генія. Г. Бастамовъ, по скромности, достойной пѣвца, писалъ ко мнѣ: «Если я не успѣлъ въ своемъ стремленіи, достигнуть цѣли перевода болѣе точнаго, то потому, что некому было мнѣ сказать: *Circumde tibi vestimentum tuum et sequere me*. Поэзія есть вдохновеніе. Поэты и перелагатели ихъ вдохновляются и симпатизируются. Со стороны имъ крылья не даются. Ни кто не въ силѣ указать имъ мѣста и правилъ для полета и паренія. Они сами услышатъ зовъ музы высокой: «облекись въ одѣжду твою и слѣдуй за мною».

XVI.

Въ поэзіи Шавтели все дышетъ истинною, и религія, и политика, и семейство, и устройство общественное въ укоръ ба-снописцамъ древнимъ и скептикамъ нашихъ временъ. Этотъ скептицизмъ, столь полезный въ рукахъ крѣпкаго ума, какъ начальный шагъ генія, доводилъ многихъ до атеизма, который есть плодъ поврежденнаго, уничиженнаго ума и оскорбленіе,

наносимое не творцу, а человечеству, всѣму творенію.

Недостатокъ равновѣсія между воображеніемъ и разумомъ вводитъ въ грѣхъ и преступленіе паденія нравственнаго поэта, неоцѣниваемыхъ дарованія въ его высокомъ назначеніи отъ природы, творящей и рождающей ихъ. Ораторы бываютъ и дѣлаются, а поэты рождаются (*Oratores fiunt, poetae nascuntur*) твердилъ древній міръ. Руставели, Чахрухадзе, Шавтели остаются образцами поэзіи грузинской и зрителями на отдалившихся отъ значенія, цѣди и достоинства Парнасса поэзіи поэтовъ, какъ на павшей съ высотъ истиннаго небеснаго Парнасса чинъ *денницы* по-мраченной. (*Lucifer. ღუჭ-ღებოცო*).

Таковъ Байронъ, великій геній, но падшій въ дикую поэзію, дальше отъ свѣта и творца мірозданія; пѣвецъ мрака и отчаянія, крови, смерти; глазомъ сатаны, измѣрившій міръ и его вѣчные, нравственные законы; искавшій тѣни бога зла и злобы. Славы нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ добродѣтели.

Et toi, Byron.
Ton oeil, comme satan, a mesuré l'abîme
Et ton âme, y plongeant loin du jour et
de Dieu.

Roi de chants immortels, reconnais toi—
toi memel!

La gloire ne peut être où la vertu n'est
pas (6).

Если обитатели небесныхъ селеній, говорятъ Кювье, принимаютъ участіе какое нибудь въ событіяхъ нашей земли, то безсомнѣнія тогда, когда видятъ на ней прославленіе людей, благородно употребляющихъ дарованія небесныя (7).

Свѣдѣнія о жизни поэта Шавтели недошли до насъ. Но думаютъ, что онъ былъ первымъ настоятелемъ Вѣнанской или Бе-

(6) Lamartine. Medit, poetique: L'homme.

(7) Si les habitants des demeures célestes prennent quelque part aux événements de ce monde, c'est sans doute lorsqu'ils voient honorer par les hommes ceux qui ont toujours fait un noble usage des dons du ciel.

Réponse de M. le baron Cuvier a M. de Lamartine. Oeuvres complètes de Lamartine. Bruxelles. 1846. pag. 293.

танійской обители, созданной царицею Тамирою, можетъ быть и не безъ указаній его. Величіе храма и живописныхъ мѣстъ, и звуки отъ остатковъ поэзіи Шавтели чрезъ 7 вѣковъ,—есть своего рода остатки, процвѣтавшаго когда то здѣсь рая и для глазъ и для слуха. Натура и подражанье ей въ гармоніи, выраженіями словъ пѣвучихъ, распѣваемыхъ, есть уже поэзія. Уединеніе сосредоточиваетъ и укрѣпляетъ способности души. Не безъ основанія оно избиралось пророками, поэтами, философами, святыми и великими людьми во всѣ времена.

XVII.

Что теперь видится въ этой Шавтѣ, родившемъ генія поэзіи? Ничего кромѣ развалинъ пустыни Бетанійской съ одичавшими деревьями вокругъ и не въ дальнемъ отъ нея разстояніи дѣтній домъ барона А. П. Николаи и облагороженный, говорятъ, старый, фруктовый садъ прививками новыми лучшихъ европейскихъ деревъ, уже дающій плоды. Нѣтъ въ нихъ, какъ вѣкругъ ихъ того кипучаго населенія, остатки которыхъ

видны, но неописаны. Судьба края впереди. Онъ ожидаетъ рукъ и мыслей будущихъ поколѣній. Миръ, водворенный мирнымъ полсвѣтнымъ царствомъ русскаго гения разовьетъ мѣсто это поэтическое, откуда эхо имени поэта въ продолженіи 7 вѣковъ звучитъ еще въ исторіи, литературѣ, въ умѣ, въ сердцѣ и на устахъ народа грузинскаго. Поэты неумолкаемы, бессмертны. Не даромъ языкъ поэтовъ, по мнѣнію вѣковъ, есть языкъ боговъ. Сама натура—небо и земля своею гармоніею строенія, есть поэзія. Земля и небеса поютъ славу создателю своему. Благодарностию переполненное сердце поетъ. Такъ пророкъ *скакаше игралъ* передъ святынею кивота. Таковъ гимнъ творенія во славу творца творенія!

Таково настроеніе природы человѣческой. Въ немъ законъ природы, а не наука. Оно, скажемъ словами Цицерона (*Ad hunc legem non docti, sed facti sumus*), неизучается людьми, но имъ врожденно.

XVII.

При громкомъ имени поэта Шавтели,

остановлю вниманіе читателя на поэзиі грузинской. Она современна народу древнему и шла рука объ руку съ народами древними, по сосѣдству съ ними, имѣвшими на него вліяніе. Лидійцы, Мидяне, Персы, Сирійцы, Финикіане, Египтяне, Греки и Римляне, Арабы и народы Турана приражавшіеся къ нему войною, торговлею и религіею могли оставлять слѣды общенія и сношеній своихъ съ Грузинами, владыками Кавказа. Съ поэзіею литературною и до образованія письменъ за вѣка 3 до Р. Х. могли познакомить и Евреи, поселенные около Мцхеты за 700 лѣтъ до Р. Х.

Попытаюсь на лѣту по дорогѣ сказать объ этой поэзиі грузинскаго народа то, о чемъ еще не говорено ни кѣмъ. Попытаюсь, повторю опять, сказать печатно о Пѣснѣ грузинской на столько, сколько позволятъ мнѣ предѣлы моей статьи, познанія мои и сохранившіяся указанія въ книгахъ грузинскихъ, существующихъ въ рукописяхъ.

Съ робостію принимаюсь за эту попытку. Робость останавливаетъ смѣлость и часто обуздываетъ ее, какъ шагъ къ дерзо-

ети и очень, часто по слабости природы человеческой, къ самонадѣянности, сосѣдкѣ гордости, порождающей всѣ заблужденія и потому вредной для науки и на поприщѣ жизни.

XVIII.

Объяснить начало поэзіи народа древнѣйшаго, извѣстнаго за 1200 лѣтъ до Р. Х. невозможно, по недостатку указаній письменныхъ. Склонность къ подражанію мѣрнаго движенія, указываемаго натурою и къ рѣмѣ, почитаемой Аристотелемъ первоначальною причиною поэзіи, какъ древнѣйшей изъ всѣхъ искусствъ разума, безъ сомнѣнія побуждала и этотъ народъ къ пѣнію и распѣванію мѣрному (ῥυθμιώδης) удовольствій душевныхъ и горестей жизни. Но какая была форма этихъ поэтическихъ изображеній? Гдѣ пѣсни вѣковъ древняго міра, оглашавшія лѣса, горы и долины въ странѣ, услаждавшей страшныхъ обитателей Кавказа и ужасавшей древній міръ и воителей похода аргонатовъ? Гдѣ плоды удивленія къ безмолвной природѣ, всего чуднаго, чрезвычайнаго и таинственно—не-

изъяснямаго въ человѣческой жизни, посреди многоразличныхъ соплетеній судьбы? Гдѣ плоды воображенія, смѣлой фантазіи, замѣнявшей мыслимость, и возносившей ихъ отъ обыкновенныхъ отношеній вещей въ міръ къ міру призраковъ, мечтаній, мистицизма, въ область небесъ. Эти вопросы останутся навсегда тайною для насъ.

Исторія повѣствуетъ, что письменность введена въ Иверіи царемъ Фарнаозомъ (302—237 до Р. Х.) за 3 вѣка до Р. Х. Безъ сомнѣнія были и плоды этого искусства—отливать слова для глазъ на времена безконечныя. Уже послѣ Р. Х. послѣ принятія Грузинами христіанской религіи народъ грузинскій ознакомился съ высокими описаніями красотъ величія Божія въ псалмахъ пророка Давида и вмѣстѣ съ этими и со всѣми книгами священными и церковными. За всѣмъ тѣмъ невиднo, чтобъ поэтическій духъ отразился въ чемъ нибудь. Литература не представляетъ ни одной пѣсни древней. Нѣкоторыми отцами церкви писались пѣсни церковныя, но прозою и доказываютъ чистоту слога и едвали не при-

надлежать позднѣйшему времени. Поэзія всегда предваряетъ прозу, подобно какъ полезный плодъ рождается отъ блестящаго цвѣта. Эти, сомнительныя по мнѣнію моему, произведенія литературы, какъ молитвы св. Шіо (VI вѣкѣ), надпись на стѣнѣ церкви въ селеніи Нузало въ ущельѣ Нарскомъ и др. дѣйствительно дышутъ поэзіею. Языкъ грузинскій является въ нихъ высоко облагороженнымъ.

XIX.

Законодатели умовъ, коснѣвшихъ въ тѣмѣ язычества въ первобытныя времена образованія народа или въ періодѣ его дѣтства, безъ сомнѣнія дѣйствовали поэзіею. Ею населяли они рай—ожиданіе надеждъ души безсмертной и адъ,—устрашавшій души, непокорныя волю боговъ. И не въ одной Греціи, заставляли плясать тигровъ и волковъ и камни всходить на стѣны. И въ Грузіи были Орфеи и Амфіоны, Нумы, сводившіе въ поэтическихъ картинахъ законы для соединенія въ общества людей, бродившихъ по горамъ и лѣсамъ. Были люди, называемые Платономъ божествен-

ными (2) и Луканомъ священными, во имя Бога гремящiе въ народѣ дикомъ, люди признававшiе въ себѣ вдохновенiе божества.

Est Deus in nobis, agitante calescimus illo.

Impetus hic sacrae semina mentis habet (3).

Богослуженiе этого народа, безъсомнѣнiя сопровождалось пляскою, какъ предтечею поэзiи и руководительницею ея, и музыкою, требовавшею словъ пѣвучихъ, размѣренныхъ. Отъ того и дали одно имя законамъ и пѣснямъ, говоритъ Ж. Ж. Руссо, разумѣя, безъсомнѣнiя слово *comos*.

XX.

Вкусъ народовъ выражается различно при составленiи стиховъ. То, пишетъ Ноэль въ своемъ *Gradus ad Parnassum*, что безконечно прiятно въ одномъ языкѣ, то противно вкусу другаго языка. Лучшiе стихи, продолжаетъ онъ т. е. тѣ, которые производятъ удовольствiе сильнаго эффекта въ

(2) 3 кн. о законахъ.

(3) Ovid. Lib. VI. *fastorum*.

Поэзія новѣйшей и которые нравятся слуху изъ устъ языковъ французскаго, италіанскаго, нѣмецкаго, кажутся противными въ стихахъ греческихъ и латинскихъ. Отъ этого, говоритъ онъ, и размѣръ греческихъ и латинскихъ стиховъ, основанный на количествѣ слоговъ, никакой неимѣетъ пріятности въ поэзіи новѣйшей.

Стихи восточныхъ языковъ, совершенно удаленныхъ отъ европейскихъ періодами вѣковъ, имѣютъ совершенно иной характеръ. Какъ вообще стихи основаны на выраженіяхъ чувствъ и страстей, то и пріятность ихъ для слуха, должна зависѣть отъ настроенія духа и воображенія—единственной способности для творчества поэтическаго. Поэзія есть движеніе инстинктивное души, прирожденное человѣку. Источники этихъ струнъ сердца (*sursum corda*) скрываются въ глубинѣ изгибовъ природы человѣческой, созданной для стремленія къ идеамъ истины, добра и красоты, какъ бы она ни являлась пошатнувшюю въ своемъ стояніи среди мірозданія. Человѣкъ палъ, но паденіе его, на было паденіемъ

мрачнаго духа, потеряннаго для свѣта. Въ немъ остались слѣды образа Божія нестертыми, или скажемъ словами философа Канта: человекъ и мѣръ, — царство его стоянія являются сдвинутыми съ точки равновѣсія, но эта потеря равновѣсія, скажу и я отъ себя, поддержана высшею десницею, или если угодно кому сказать, самимъ свойствомъ природы человѣческой, не поддавшейся мраку, и разрушенію, но болѣющей и врачуемой откровеніемъ свыше, высокими правилами философіи христіанской, основанной на умѣ человѣческомъ, который прогрессивно есть продолженіе того же откровенія. Да несмущаются Деисты, не убѣждаемые въ этомъ законами нравственными природы. Отъ этого и зовъ свѣта въ немъ къ истинѣ, добру и красотѣ есть настоящее требованіе природы человѣческой, чуждающейся и усажающейся мрака нравственнаго. Явленіе невѣрія въ сердцѣ, сардоническая насмѣшка на устахъ, нечистыя картины воображенія, циническіе куплеты въ звукахъ голоса, успѣхъ въ неправдѣ, преступленіе въ свободѣ, угодливость деспоти-

зму, и тираніи и т. п. есть произведеніе не убѣжденія разумнаго по уму и натурѣ, но увлеченіе по страстямъ, какъ парусамъ корабля, дурно установленнымъ. Человѣкъ созданъ быть подражателемъ. Ему нужны не одни уроки, но и образцы. Исторія міра и людей, какъ изложеніе путей провидѣнія, или другими словами научными, изложеніе правственныхъ началъ мірозданія, откроетъ ему эти образцы, модели, и онъ явится тѣмъ, чѣмъ долженъ онъ быть въ челѣ творенія нашей, извѣстной намъ планеты. Человѣкъ есть владыка, царь и помазанникъ природы. Его стихія свѣтъ: во мракѣ онъ жить не долженъ.

XXI.

Поэзія есть музыка. Музыка нравится. Она льститъ чувствамъ. Почему же эта музыка слова нравится человѣку? Отъ того, что стихи есть пѣніе слова, что пѣвучее слово (*chanté*) больше нравится, чѣмъ прозаическое, просто разговорное. Если же возникаетъ вопросъ, говоритъ Поэтъ и философъ Ламартинъ, почему же распѣваемое слово больше нравится слуху, чѣмъ разгово-

верное и просто произносимое? Отвѣтъ мой говорить ошъ же, будетъ: ни чего объ этомъ я не знаю и сказать не могу, и что объ этомъ должно обратиться съ вопросомъ къ тому, который создалъ и устроилъ чувства и уши человѣка, впечатлительнаго при текучести словъ, при симметріи, при мѣрѣ и мелодіи звуковъ и словъ. Рифма и гармонія, — эти два закона таинства природы, образующія высокую, верховную, высшую красоту, или высшій, изящный порядокъ, строй слова. Самыя сферы небесъ движутся мѣрою риѣмы божественной, творчества. Звѣзды поютъ. Пророки зовутъ на подвигъ пѣнія и воспѣванія славы небесамъ рѣки, моря, градъ, снѣгъ, молнію, животныхъ, царство растительное и ископаемое, и даютъ отъ себя какъ-бы въ подмогу словамъ и движенію и тимпаны, и самвики, и кимвалы, и арфы, и трубный гласъ, и свирѣли, и гусли, и органы, всѣ орудія искусственныхъ возгласовъ, для выраженія усиленнаго восторга сердца человѣческаго.

Востокъ, съ остатками его цивилизаціи древней, сохранилъ свой музыкальный строй

образования стиховъ, по строю образования чувствъ и ощущеній, какія внушали ему климатъ, вѣра, положеніе страны степное, горное, лѣсное, приморское; образъ правленія свободный или деспотическій, теократическій или республиканскій. По формамъ этимъ выливались и отливались выраженія внутренняго чувства. Чѣмъ богаче языкъ извѣстнаго народа, тѣмъ разнообразнѣе формы выраженія его.

XXII.

Стихосложеніе грузинское есть силлабическое или слогочислительное, подобно стихосложенію италіанцевъ, англичанъ и французовъ. Причиною этого неимѣніе у грузинскаго языка открытой просодіи, единственнаго основанія для метрическаго (по стопамъ) стихосложенія, какъ собственной принадлежности поэзіи греческой и латинской. Чаше всѣхъ другихъ употребляется въ немъ метръ пиррихо-дактилическій. Хотя есть и другія метры простыя и сложныя, но по скрытности самой просодіи, не такъ открыты стопы стиховъ. Языкъ богатъ со-звучнымъ окончаніемъ риѣмъ, и онъ легко

находить чрезвычайное обилие даже въ цѣлыхъ словахъ по оборотамъ грамматическимъ, другое значеніе въ себѣ заключающихъ. Языкъ по гибкости своей, можетъ переводить почти всѣ слова изъ одной области части рѣчи въ другую. Почти всѣ нарѣчія, предлоги могутъ обращаться въ существительныя имена и глаголы напр. *wher, wherend* когда?; *wher, wherend* гдѣ? (*Ubi, ubitas*. И этимъ совсѣмъ не дѣается насилія языку, особенно въ стихахъ.

Такому свойству и при силлабическомъ стихосложеніи обязанъ языкъ легкостію въ сочиненію стиховъ и свободою расположенія словъ. Не затруднительно подбирать слова мѣрныя, которыя не легко отыскиваются въ языкахъ, не слѣдующихъ этому роду стихотворства. Безспорно, что подборъ правильныхъ мѣрныхъ стопъ труднѣе подбора риемъ, награждающихъ стихотворца свободою дать словамъ обороты и теченіе, для сообщенія имъ чрезъ это сладкогласія и игривости, а потому и музыкальности.

XXIII.

Игра строфъ, антистрофовъ и перистро-

фовъ въ стихахъ грузинскихъ, — поразительна. Не сомнѣваюсь, что въ этомъ, подражали писателямъ одъ греческихъ, которыхъ строй цмѣль цѣлю вторитъ движеніе голосовъ при произношеніи словъ или пѣвни. Самое слово *ода* означаетъ *мысль*. Такъ образовалась мѣра стиховъ дирическихъ, свободный переходъ изъ одной стопы въ другую, такъ что мысль первой, оканчивалась въ концѣ второй. Древніе какъ-то умѣли внезапныя вдохновенія свои воплощать словами, какъ цвѣтами поразительными для чувствъ и ощущеній. Во всемъ являлась картина. Все волновалось впечатлительно. Не щадились ни анаграммы, ни антиграммы. Поэзія любитъ, чтобъ зацѣла или пѣла природа. Она не терпитъ, чтобъ молчали самые надгробные камни, или оставались безгласными памятники прошедшаго. Она вдыхаетъ во все жизнь, всему сочувствуетъ, совсѣмъ входитъ въ общеніе бестѣды. Такова вѣчная философія души человеческой. Анаѳема, произнесенная Платономъ на поэтовъ, касается не поэзіи, столь прирожденной человѣку, что языкъ самаго

Платона считался языкомъ боговъ. Она разитъ ихъ за уклоненіе отъ правилъ предписанныхъ природою и не терпитъ ихъ за нечестіе, помрачающее человѣка. Природа богата жизнію и жизнію нравственною. Не должно ее обращать въ лабораторію отравы.

Поэтъ, какъ оракуль, проникнутый духомъ божества, восхищался самъ и приводилъ другихъ въ восторгъ, увлекаая потокомъ воодушевленія пораженный слухъ массы. Судъ по переводу съ одного языка на другой объ этихъ строкахъ, долженъ быть произносимъ весьма осторожно. Такъ сказалъ Гораций о Пиндарѣ, великій поэтъ о величайшемъ поэтѣ. Такъ скажемъ и о поэтахъ грузинскихъ. Недостатки стиховъ того и другаго поэта, будутъ недостатками или перелagателя, или языка, на которомъ желаемъ и думаемъ понять и оцѣнить красоты пѣснопѣнія. Искусство сочетать мѣру звуковъ съ мѣрою стиховъ — есть требованіе извѣстнаго языка; слѣдовательно есть таяна для другаго языка. Музы всемірны; онѣ для всего человѣче-

ства, но есть и такія, которыя усвоены известнымъ странамъ, мѣстамъ и личностямъ, какъ ангелы, по словамъ церкви, приставленные къ известнымъ царствамъ, церквамъ христіанскимъ, странамъ свѣта, морямъ и каждому человѣку. Такое пониманіе, служить какъ бы въ доказательство общности единенія физическаго и духовнаго или нравственнаго міровъ, инстинктивно понимаемой человѣчествомъ. Муза Грузіи имѣетъ свой треножникъ (*Tripus, — custodes factorum, Arcana mundi. Lucanns*), которому она принадлежитъ, который ею охраняется, и на которомъ она объясняется въ святилищѣ ей посвященномъ. Лиція восклицаетъ, а жрецъ ловитъ слова и передаетъ массѣ буквы ихъ. Мой долгъ, передать эти мысли грузинской музы въ томъ видѣ, какъ я ихъ слышу.

При этомъ не могу не вспомнить слова Фенелона, въ философскомъ своемъ гнѣвѣ выраженный въ письмѣ къ одному изъ порицателей Гомера за его стихи въ честь боговъ, вѣрованій его и выражений вѣка. «Не онъ ихъ создалъ, сказалъ Фенелонъ.»

Надежало, чтобъ онъ ихъ представилъ такими, какими нашелъ.

XXIV

Я боюсь переводить на русскій языкъ стихи музы грузинской и потому прикрою себя словами Лагарпа, Квинтиліана французскаго, творца «Ликей» (4): Анакреонъ сочинялъ по вдохновенію, и переводятъ его съ великимъ напряженіемъ силъ. И такъ не будемъ переводить Анакреона.

При переводѣ стиховъ, вообще нелегко переводимыхъ съ одного языка на другой, я обязанъ держаться красотъ и главныхъ чертъ подлинника, и въ то же время не упускать изъ виду правило Аристотеля, требующаго держаться *возможнаго*, чтобъ напрягаясь сблизиться съ авторомъ копируя его, не казаться вступающимъ къ нему въ споръ, борьбу и сраженіе.

XXV

Виссаріанъ католикосъ-патріархъ грузинъ

(4) Tom. II. pag. 341. Это не наставникъ императора Александра I, а любимецъ императора Павла I, имѣвшаго съ нимъ литературную переписку съ 1774 до 1791 годъ.

скій (1737—1742) въ началѣ XVIII вѣка въ своемъ отрывкѣ литературномъ въ шешептѣ въ рукописи «постный тріодъ, ღვინთაჲსი») пишеть: «Отъ временъ Іоанна Петриція, до нашихъ дней, въ продолженіи 1300 лѣтъ перо писателей не останавливалось. Онъ считалъ писателя и поэта Петриція, жившимъ въ VII вѣкѣ. Это не вѣрно: Петрицій жилъ въ XI вѣкѣ. Не вѣрно и то, что переводъ псалмовъ явился по его иніцію при Петриціѣ. Святгорецъ Георгій современникъ Петриція былъ исправителемъ. Псалмы же явились въ переводѣ въ IV и V вѣкѣ. Это литературно-поэтическое явленіе, есть памятникъ высоты языка грузинскаго. Псалмы въ древнѣйшихъ рукописяхъ, которыхъ я видѣлъ до 50 экз., писались отдѣльными стихами. Съ введеніемъ книгопечатанія въ Грузіи, изъ подражанія вообще къ греческому и славянскому изданіямъ безъ перерыва, изданы сплошно и потому стихи псалмовъ не распѣвались, а читались.

Ни славянскій переводъ, ни латинскій Вулгата, ни нѣмецкій Лютера, ни француз-

скій De-Saci, и италійскій Giovanni Diодати псалмовъ, не могутъ оспаривать права превосходства и изящества у перевода грузинскаго. Это я говорю на счетъ тѣхъ мѣстъ, которыя остались неизмѣненными при изданіи псалмовъ въ Москвѣ въ 1743 году. Это торжество языка, торжество духа поэтическаго, отражающагося на словахъ, столь ясныхъ, величественныхъ, вполне воплощающихъ великія мысли величайшаго поэта. Искатели поэзіи грузинскаго слова, какъ въ псалмахъ, такъ вообще въ церковныхъ книгахъ, найдутъ лучшіе и богатые образцы выраженій поэтическихъ. Въ нихъ, цѣлое море красотъ слова, и не устарѣвшаго, какъ думаютъ нѣкоторые, а языка установившагося окончательно, современнаго, и пока еще неисчезшаго въ устахъ народа, конечно, книжнаго *lettre*, какъ выражаются французскіе писатели.

Языкъ нассы, всегда и у всѣхъ народовъ, былъ и будетъ не литературнымъ.

XVI.

Разборъ и сличеніе мѣстъ перевода грузинскаго книгъ священныхъ съ перевода

ми тѣхъ-же книгъ священныхъ на другихъ языкахъ, въ доказательство степени превосходства и высоты, я, по званію члена, готовлю для журнала парижскаго *Société Asiatique*. Такое же сличеніе мѣстъ перевода съ греческаго книгъ философскихъ, сочиненій Платона, Аристотеля, Провла Діадоха, Порфирія Малха, Ямвлиха, Аммонія Эклектика и др. разсѣетъ въ умахъ, враждебныхъ и не враждебныхъ къ народу, тотъ туманъ, которымъ обданы понятія лицъ, не понимавшихъ ни народа, ни литературы его въ продолженіе долгаго времени. Анализъ этихъ плодовъ умственнаго развитія народа, оцять вызоветъ, если не ошибаюсь (*Ut humanus possum falli. Cicero*) ревностъ, стать на ту степень высоты значенія, на какую поставили его въ-ка ѿ кристіанство.

Самая лучшая эпоха народа, цвѣтущее состояніе края, наше время. Здѣсь среди улыбки поэтическаго времени, видѣнь полный, отраднѣй просторъ для труженниковъ науки, или по наименованію Горация и Овидія жрецовъ музъ (*Sacerdos Musarum*).

XXVII.

Изъ книгъ и сочиненій поэтическихъ словесности грузинской извѣстны, по крайней мѣрѣ мнѣ, слѣдующіе роды стихосложенія:

1) *Ямбическій* (ამბოკაბო), безъ сомнѣнія заимствованный отъ грековъ, какъ и само названіе показываетъ. Этотъ родъ стихосложенія употреблялся первоначально въ поэзи драматической. Характеръ его: стопа стиховъ, состоящая изъ одного короткаго и одного долгаго. Гораций опредѣляетъ ямбу (Jambus): Syllaba longa brevi subjecta vocatur iambus; слоги долгие, подчиняемые короткимъ, именуются ямбы.

„ამბოკაბო გბქუბო, მოკლეობას დაძლია
კადეკუბო, იწოდებოან ამბოკად.“

Такъ какъ этотъ родъ поэзи употреблялся отцами церкви греческой еще съ IV вѣка, то онъ и въ грузинской церкви, въ лучшемъ отрывкѣ той же греческой церкви, именуется *церковнымъ* (1). Образцомъ это-

(1) Таковъ отзывъ Ефрема Сирійца (კოტეკი სუ-
ბუჯო 320—379) по словамъ переагателя его со-
чиненій Евсея въ X вѣкѣ въ memento ergo, про-

го рода поэзіи, и привожу строфу, составленную католикомъ Антошемъ 1 въ похвалу святой грузинской церкви царицы Кетевани (1580—1625), замученной Шахъ-Аббасомъ 1 въ Персїи:

ქს ქონტკს სძაღო, ახმჰკჳრჳდო ლაღო,
სწ ნხოელ-ძვხრადო. სწ უჳკელ-ოუკოთ
ძვხრადო,

читанномъ мною на Афонской горѣ (въ 1849 году):
ქველესაჲ ქანთჳსლათ, სტელ-ძჳსწნიკაჲ, ქონ-
ტკს კვხრის სტვილად ძუძკთ: «церковь
грузинская, вѣтвь прекрасная вѣжно воздвѣляю-
щихъ виноградъ Христа.»

Я искалъ эти слова великаго столпа церкви Си-
рской въ сочиненїяхъ ея изданїа Ассемана (Roma.
1589—1597 in folio) но въ прискорбію моему не
нашелъ ихъ. Искалъ безплодно и въ другомъ издан-
їи Воссїа, иѣвшемся у Констанція, экс-патріарха
константинопольскаго, мужа удеваго, призвавшаго
меня съ любовью въ Халкъ, одномъ изъ Принкипе-
выхъ острововъ близъ Константинополя, гдѣ онъ
имѣлъ свое скромное пребываніе. Отраднo только
было мнѣ читать у него въ его великихъ рѣчи Ео-
рема Сирина противъ Маркіона колхидскаго, во
второмъ вѣкѣ возмущившаго покой вселенской церк-
ви. Слова объ немъ Тертуліана, современника его
помѣщены мною въ соч. моемъ: Жизнеоп. святыхъ
груз. церкви (Тбились. 1850), стр. 8—9.)

აქუნს სამღვთო აღი, კითხვას ცხოველი წყალი,
გული უძს ხალი, მით დაჭსტა მძლავრი
მწერალი,
ამხს იქმს ქალი, ბუნებით ჭინთას მკრთალი.

Такова Христа невѣста, цвѣта яшмы
свѣтлый рубинъ,
Неумалваемый свѣтомъ, какъ цвѣтъ холо-
домъ потрясенный,
Въ ней, — пламени Божества, обиліе клю-
ча живаго,
Грудь, какъ твердая скала; — ею сразила
она яростѣ тирана,
И это все дѣлаетъ жена, по природѣ
робкая при мукахъ.

Стрѣфа 406.

Вотъ его-же Антонія двѣ строфы, со-
ставленныя въ честь поэта Шавтійскаго
(შავთელი).

770.

ნეტარი ესე, შიიტეიკონი კაცი,
მძალე-გამომთქმელ, მოძღუერებითა ბრწყინ,
სიბრძნის — მოუჭარე მართალ-მკენილლ-
კიზბე
ღმთის-მმეტეუჭლები, შეზმნილ-ყოველსა-
შინა,
იონი ბრძენ, შავთელ-გედ-წოდებული.

771.

ძლათა ჭსთქუა მისთჳს, უქესა ლექსი მკუ
თელს.

ღ თამარ დიდის, ისტორიასთაშინა,
ძაირთ-გამომთქმელ, ღ წმინდად ძლით-
ხრობის,

განწმინდა ამან, სარკე უბიწუებით.

ღ მიჰსცა ღმერთსა, რამდენსა წინაშე ჭსდგას.

770.

Восхваляемъ Пипта, мужа блаженнаго,
За высоту его выражений, — поучениями
свѣтлаго,
Мудрости любителя, символика точнаго,
Богослова, — во всемъ совершеннаго,
Іоанна мудраго, прозваніемъ Шавтій-
скаго.

774.

Шота сказалъ объ немъ: хвалимъ онъ
всѣмъ за стихи,

О Тамаръ и въ исторіяхъ объ ней,

Какъ поэмы творецъ, за святость раз-
сказа,

Просвѣтивъ себя, какъ непорочности зер-
кало,

Передалъ себя Богу, у котораго онъ пред-
стоитъ.

XXVIII.

Слабы стихи, слабъ и переводъ мой оуб-

вальный. Таково свойство ямбъ подъ перомъ греческихъ ямбистовъ церковныхъ, не искавшихъ, а избѣгавшихъ высоту восторга нескромнаго міра, и увлекающаго часто человѣка, — воображенія, этого единственнаго орудія, на которомъ, какъ птица на крыльяхъ, парить поэтъ. Католикосъ Антоній, какъ сочинитель ямбъ, по жизни, по званію и призванію былъ инокъ. Съ этой стороны поэтъ, вѣрный метру стиховъ силлабическихъ (каково стихосложеніе грузинское), доволенъ, если онъ охарактеризовалъ законически, въ афоризмахъ краткихъ, жизнь и значеніе лица, какъ предмета прославленія поэтическаго. Хоральное распѣваніе размѣра ямбическихъ стиховъ, который и былъ основаніемъ его изобрѣтенія, возвышаетъ его скромное значеніе. Стихи ямбъ грузинскихъ, есть дѣти и рожденіе улыбки, но спокойной, тихой, какъ сама жизнь отшельника. / Это тихій дождь или роса Эрмона, или дуновеніе зефира, по выраженію пророка, проявляющая въ шопотъ дѣтство волю небесъ сынамъ земли. Представителемъ такого рода стихотвор-

ства, есть Григорій Нисскій (330—400) (გრიგორი ნისქელი) и Григорій Назіанзинъ (328—389).

Въ дни юности моеѣ, не разъ былъ я свидѣтелемъ гармоническихъ возгласовъ этой поэзіи при дворѣ архіереевъ времяѣ царей грузинскихъ: Іоаннъ Бодійсвомъ (1749 — 1837), и Стефанъ Руставсомъ (1754—1839) въ трапезныхъ монастырей, гдѣ еще жили и доживали свои древніе двинники и іереи пустынь и сельскія цѣлцы по лиръ царевъ.

За столомъ царей и вельможъ, распѣвались эти пѣснопѣнія ямбическаго размѣра въ дни торжествъ (2). Слабый голосъ отрывка дунованія этой музы отъ громаго обыкновенія древняго, слышенъ еще и нынѣ по мѣстамъ изъ усть, умолкшихъ для подобной поэзіи, свѣтцовъ—іереевъ и иноковъ.

XXIX

2) *Шаури* (ძაობა). Это самый простой, но и самый древній родъ сочетанія сти-

(2) Соч. мое: Опис. древн. Тифлиса, стр. 244.

ховъ. Его считаютъ самымъ народнымъ, общеупотребительнымъ и легкимъ для писателя. Въ образецъ такого рода я представлю куплетъ изъ Килиль да Мана, писанный за долго до воцаренія царицы Тамары.

მკურნალო გელს ნუ შიორებ, გურნებდა
აძა ჭირისა,
ესრეთი სენი დარბაზა, უიძელაა შირისა,
ვერ-ვინ არგებს წამლითა, ძურთუსადა გა-
საჭირისა
ჭხადს სსუა რამ საქმე იურნებს, დღისა
მის შესამტირისა.
კარი ე.

И ты врачъ не трудись врачевать эту
болѣзнь,
Болѣзнь такова, что нѣтъ ей враче-
вства.

Не поможетъ ей врачество, и дорого
покупаемое,

Не лучше-ли ивѣдись о другомъ, о томъ,
чего требуетъ сокращаемый для него день.

Кн. V.

Или слѣдующій стихъ поэта новыхъ вре-
мевъ изъ г. Гори Стефана Першанги
(1776—1840).

გამა მან იყოს ჭირისა, ვინცა ჭირს ვარ-
დახდილას:

Это прекрасный и точный переводъ безъ вѣдома поэта, стиха *Виргилія*:

Miser sum, miserisque succurrere disco.

Или русскаго-же перевода въ перифразѣ:
«Несчастіе испытавъ, несчастнымъ помогаю.»

ХІХ.

3) *Чахрухійскій* (*ჩახრუხელი*). *Чахурұха* поэтъ времянь *царицы Тамари* (1170—1212) былъ родомъ изъ ущелья *Хеви*, около *Даріала*, пункта пограничнаго для царства *грузинскаго*. О немъ подробно я писалъ въ описаніи г. *Душета* (3). Поэму его въ похвалу *царицы Тамари* издалъ я въ 1838 году въ *Тифлисѣ* и посвятилъ груз. царевичу *Михаилу Георгіевичу* (сконч. въ 1861 г. 82 лѣтъ).

მან მხიარულმან, შუჭბითა სრულმან, ჩუ
მებრ სწულისა, კერა ჭსტნა ჭირი,
უცხლ ჭულ თავი, აწ დამხმავი, უძჯობეს
საქმეს მიწიდა ჰირი.

ქილილ ღ მანა, კანი ე.

И онъ, радостію упоенный, веселіемъ
поглощенный, по мнѣ жалкаго бѣды не
одѣвидъ,

(3) *Тифлисъ*, 1860 г. Стр. 61—65.

Отвергъ сочувствіе; — преступный вѣсть,
не понялъ лучшаго для души.

Кимиль Да-Мона кн. V.

Сюда же относятся и роды стихосложе-
нія, известнаго подъ персидскими названі-
ями *Маджамы* (𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 на греч. *Омонимъ*)
и *мухамбазы* (𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀𐬎𐬀) — съ планующими
словами, живыми, законическими, скатыми.
Въ персидскихъ и въ церковныхъ пѣснопѣні-
яхъ, есть образцы такого рода поэзіи. Та-
кова и высокая пѣнь на лат. языкѣ: *Té*
Deum laudamus. Тебъ Бога хвалямыъ соч.
Амбросія медіолавскаго, употребляемая в
греческою церковію.

XXXI.

1) *Рвули* (𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀). Названіе получило
отъ осьми—сложныхъ стопъ. На грузин.
языкѣ 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 Рва означаетъ *восемь*.

𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀
𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀
𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀 𐬨𐬀𐬎𐬭𐬀𐬎𐬀

Удалился отъ меня предметъ любви. Какъ
тяжело объ этомъ думать!

Глаза мои полны слезъ, свѣтъ для меня
темень.

Кил. Д-М. кн. V.

Стихи эти несовременны писателю X
вѣка. Они лишены условія чистоты слога
(salubritas dictionis. Ciceron); Сенека на-
зываетъ не гладвою (salebrosa oratio).

XXXII.

5) *Дзагнакорійскій* (ძაგნაკორეული).

Дзагнакора есть названіе поэта временъ
царя Давида возобновителя (1088—1125.
Объ немъ писалъ я въ описаніи г. Ду-
шета (4).

Образецъ этого рода, извѣстнаго у гре-
ковъ и римлянъ подъ названіемъ Номео-
prophero, (Martial), стихосложенія въ Ки-
лилъ Даманъ слѣдующій:

ზარი ღამეცა, ზარი ღამეცა ჩემ-გონებინს
განსაკრთოდელად, კარი დ.
ხად შუნი შუკა, შუნ არის ზღუესკა, იქ
კეთილობა იყოს მსტოდელად.

Громомъ я пораженъ; и громъ и я самъ
къ содроганію ума моего,
Куда входитъ зависть, тамъ косить месть,
оттуда ускакиваетъ добродѣтель.

Кн. IV.

(4) Стр. 65—66.

Слышалъ и отъ генераль-отъ-инфантеріи князя Георгія Эристова (сконч. въ 1863 году) знатока грузин. языка, что онъ въ молодости своей читалъ поэму цѣльную его пера подь заглавіемъ: „საქანე გმირთა“ *страна героев*. Содержаніемъ поэмы, говорилъ онъ, были событія царства его времени. Было, продолжалъ онъ, трудно ея чтеніе, по трудности рода самаго стихосложенія. Экземпляръ этотъ поэмы принадлежалъ архимандриту Трифилію, скончавшемуся въ Тифлисъ около 1808 года.

Книга эта, заключавшая въ себѣ 6 небольшихъ статей (ნაქუბი), но удачно округленныхъ по содержанію, именовалась *ше-сти-статейною* (ექუბ-ნაქუბი).

6) *Шереули* (შერეული) т. е. по переводу *Смѣщенный*: образецъ этого рода читаемъ въ Кялидъ-Дамана.

მის ხელში არსად მინახავს, სახემოდ საუ-
რავის,
ქერი ჯ თივა არა—მსქუბ, არც ხულისა
ძაგრავის,
ყოკლადღე საპალნე მკიდის, სიხლსის მჭამე-
ლი გულისა

დაძე მიწისა მღოშქელი, კბილითა მოხახ-
რავის,
რად გიკვჩხ ჩემი ხელობა, ნიადაკ ახარ-
გულინსა,
გოზის მღოკუჭელი სიხლეს კვსოვ, მო-
მაკლდა სულისაძრავის.
კარე ე.

Не видалъ и въ рукахъ его, ничего для
меня годнаго,
Нѣтъ у меня ни ячменя, ни сѣна, ни въ-
тоши прикрыть себя.
Обремененъ я ношею, каждый день сосу
сердца кровь,
Ночью лижу прахъ земли, всегда я но-
шеносецъ,
Лишенный орѣшину, кровь сосу, лишен-
ный всего, чѣмъ дышетъ духъ.
Кв. V.

XXXIV.

7) *Лекси* (ლექსი). Название «Лекси» озна-
чаетъ на грузинскомъ и слово и стихъ или
строй словъ. Этимологическое значеніе это-
го названія заключается въ словѣ гречес-
комъ, образовавшемъ слово «Лексиконъ»
Lexidion, — словечко у Геллія и Lexis, —
слово у Люцилія. Характера этого рода
стихосложенія, я объяснить не могу. Обра-
зецъ его приведу изъ Килиръ-дамана:

ნა მოაკლდების მოჭარებს, კლიდეს ჩემთა-
ნა მარებლად
მისი ციალი გულისმადგეს, თვით იყოს
შეუდარებლად.
კარო ვ.

Чѣмъ умалится луна, если на пути моего
шестьвїя,
Свѣта ея мерцаніе будетъ на мнѣ? Она
всетаки останется тѣмъ, чѣмъ есть.
Кн. VI.

По разсказу поэмы, слова эти говорить
красавица путешествующая.
Въ этомъ родѣ приведу я и другой
образецъ:
ნა ვლინს ვარ მოწყალებით, სიუჭარულს
შენ-მიერსს,
ჭმუნვს ჭანგი გულისვან, მომძორე
ურჯთ ბერსს.

Не стою я ласкъ милости, — любви тобою
вдохновенной,
Избавь сердце отъ узъ скорби, сними
печали гнетъ отъ инока.

Этотъ стихъ, снѣдаемаго страстію люб-
ви, инока времени царя Теймураза II
(1724—1762). Манасіи, въ одной изъ Ас-
пазій двора, не наименованной исторією.
Объ этомъ инокѣ, писавшемъ, говорятъ

много поэтических отрывковъ, не дошедшихъ до насъ, сколько мнѣ извѣстно, я уже сказалъ въ сочиненіи моемъ на груз. языкѣ: жизнь царя Георгія XIII (5).

XXXV.

8) *Икобили* (·წულობი) название это отъ слова грузинскаго წუობა, означающаго *строй, строение*. Образецъ этого рода въ Килилѣ-Дамана слѣд.

ენს მარჯუებს, ენს ტკობილი,
მაქრის-მუიდებს ღთ ვამაწობილი,
თუალ-გიშკრი, გულ-ცნობილი,
ტანად ხარო, ხარცით ლობილი.

კარი 6.

Языкъ ловкій, весьма сладкій,
Съ сластепродавцами сравненный,
Черноокій, откровенный,
Сановитый, тѣломъ нѣжный.

Кн. VIII.

XXXVI.

9) *Таэпи* (ტაეპი). Образецъ этого рода въ Килилѣ-Дамана:

სახელგახნი სიკუდილი,
კაცთა-გან სანატრელია.

კარი 8.

(5) Въ рукописи, пока еще неизданной.

Смерть славная,
Людьми убажаема.

Кн. III.

Или слѣд. стихъ:

ცუდი სიტუტა ხანსა გრძელსა
ვერგავლის, უთქუამს ძეჭლესა.

Слово нечистое, недолговѣчно,
Сказано издревле древними.

XXXVIII.

10) *Пустикійскій* (ფობტიკაური). Названіе образовалось отъ греч. слова *физика* (природа). Предметъ описанія произведение трехъ царствъ природы. Образецъ этого рода въ Килиль-Дамана слѣд.:

ბიბინოვანი, რომელიც ხანე, ერთი უტავი
ლიც ან დარხობილა,
შემოდგომის თრთულს, უჭლეს დაუძრავს
ზავებულის მუტანე, ხულ წარხდობილა.
კანი ჭ.

Ты видалъ роскошно процвѣтавшій лугъ;
нѣтъ на немъ ни одного цвѣтка,
Осенній иней потрясъ зелень лѣта;
все въ немъ исчезло.

Кн. VIII.

XXXVIII.

11) *Мриобледи* (მრბლელი). Образецъ этого рода въ Килиль-Дамана слѣд.:

სოფელი ეხე ბებერი, უწყალოდ მოხრავს:
გმირებსა.
კულავ ბუმბარათა ჩააკდებს, ჭირის ორ-
მოსა მირებსა,
თემთა შენობას დაარღუჭვს, ნილახის
ღაღახ ცემითა,
იხებს ძმათ მოძულებს, იაკობს შესუ-
რის ცრემლითა.

კარი გ.

Мірѣ этотъ, старецъ вѣковой, безжалос-
тно разить героевъ,

Исполновѣ бросаетъ въ бездну ямѣ
бѣдствій;

Рушить зданія странѣ, шумомъ пото-
ковъ Нила,

Селить въ братьяхъ ненависть къ Іоси-
фу, и Іакова слезами орошаетъ.

Кн. III.

Это, любимый родъ стихосложемія вре-
менъ дѣтства царя Георгія XIII. Тетрадка
его дѣтскихъ занятій, имѣвшаяся у меня,
передана правнуку его свѣтлѣйшему князю
Іоанну Григорьевичу Грузинскому. Эта
тетрадка передана мнѣ въ С.-П. Б. по-
слѣ кончины царевича Миріана (брата
царя Георгія, (сконч. 1834 г.) вмѣстѣ съ
другими тетрадами его поэтическихъ за-

нѣтій. Его упражняли въ поэзіи, какъ видно изъ тетради, нѣкто Павелъ изъ Гуріи, великій чтець придворной церкви, жившій долго при дворѣ Сванетскаго владѣтели, не славномъ подвигами славы и добродѣтели (6), и скончавшійся въ лаврѣ Давида Гареджійскаго.

Въ этихъ тетрадяхъ между стихами царевича Георгія встрѣтилъ я слѣдующее:

1) ბედნიერების დიდობს, გონიერი არ
ქნდობს.

Улыбкѣ счастья, не доверится мудрый.

Этотъ стихъ напомнилъ буквальное слово Тита Ливія: *Serenitati fortunae non credere.*

2) Стихъ, диктованный поэтомъ наставникомъ:

გიორგის მეფის ძეს, ექადის ჰაკლე მო-
ლქებს,

Георгія царевича,

Хвалить Павелъ за стихи.

Въ отвѣтъ наставнику стихи царевича:

(6) არა ვაქებ ჰატიობსებს, არცა მის კარსა,
სიძნითლისათჳს დიდად დასმულსა.

Выраженіе инокъ Павла къ Николаю католикозу грузинскому.

ძალექსედ მე რათ მიწოდე.

შენ ანებე, მე ვიწოდე.

За чѣмъ поэтѣмъ ты меня называлъ?

Ты захотѣлъ и я себя поэтѣмъ называлъ..

И этотъ рѣзвый стихъ забавы юнаго царевича, напомнилъ мнѣ стихъ Горация: Cur ergo Poeta salutor?

Зачѣмъ меня поэтѣмъ величаютъ?

რად მიწოდებენ მე ძალექსედ?

Здѣсь же приписка руки царя Ираклія II, отца царевича: სჯლაროში სთქმელო, сказать или произнести въ залѣ (?).

XXXIX.

Поэтическое развитіе груз. народа произвело занятіе составленіемъ.

1) *Пословицы*, которыя собраны давно и изданы печатно.

(?) სჯლარო былъ эрмитажъ царя во дворцѣ богатомъ, богато описанномъ французскимъ путешественникомъ Шарденомъ еще при царѣ Вахтангѣ Шахъ-Навазѣ (1658—1675. Опис. древностей г. Тифлиса стр. 240—248). სჯლარო «Саларо» образовалось отъ римскаго слова Sellara или уменш. Selariola, означавшаго залу, гостинную, уставленную стульями.

2) *Энигма* (გადგობის) или *логогрифма*.

3) *Макаронизмъ*, употребляемый въ шуткахъ и состоящій въ смѣшеніи иностранныхъ словъ съ своими.

4) *Палиндромовъ*. Для забавы литературной читаются стихи отъ лѣвой руки къ правой и отъ правой къ лѣвой, имѣющіе одинаковое произношеніе. Таковы стихи, на латинскомъ:

Sator arepo tenet opera rotas.

На русскомъ:

Я иду съ мечемъ судія.

На грузинскомъ:

აბსტა სვკთ სკთა, თკბს თკბს სტაბა.

или

ბკბ აბა აბა.

Таково мое изложеніе о Парнаессъ грузинской словесности. Первый очеркъ, всегда бываетъ слабъ. Доволенъ я, что улучилъ случай сохранить то, что было въ памяти моей. Доволенъ, если указалъ я на источники, не изданныхъ еще печатно книгъ. Дальнѣйшее развитіе предмета систематическое съ подробнымъ анализомъ, и стиховъ и основаній, на которыхъ зиждется

стихосложение, предоставляется другимъ труженикамъ науки о словѣ грузинскомъ.

Желательно, чтобъ изложеніе мое слабое и короткое, принесло пользу слову о словесности грузинской. Отраднѣе мнѣ ожидать, чтобъ слово грузинское хвалилось не однимъ названіемъ словесности, а чтобъ оно дѣйствительно соответствовало своему высокому значенію. Да не будетъ право ея правомъ одного только названія. Да не будетъ тѣмъ названіемъ *римскаго гражданина*, о которомъ со скорбію сказалъ Цицеронъ: *Nihil est opis in hac voce: civis sum Romanus*. Нѣтъ силы, помощи въ этихъ звукахъ: я гражданинъ римскій. *ნაღ მკვლევარს კარ მკვლავს რაღობს?*

Развитое слово народа, особенно древняго, есть сокровище человечества. Не охранять его—есть преступленіе, убивать его—есть оскорбленіе, наносимое святынь природы, доля тирановъ, достойная Аттилы, Чингиса и Тимура. Начало грубой брани племень и народовъ, есть ложный путь политики, по которому шелъ всемірный Римъ и погубилъ себя безвозвратно. Самое высокое

и вѣрное начало политики — любовь чело-
вѣчества и всемірное братство. Въ этомъ
выражается вся небесная, божественная фи-
лософія христіанства.

Владычество Персіи, въ видахъ упроченія
власти Ислама въ Грузіи христіанской, хо-
тѣло ослабить значеніе высоко развитаго
слова грузинскаго о крестѣ. Оно устреми-
лось всею властію господства, уничтожить
языкъ грузинскій, какъ нѣкогда Калигула,
истреблявшій свѣтки Гомера, Вергилія, Ти-
та Ливія, напоминавшія ему вліяніе гре-
ческаго генія надъ стонавшимъ подъ его
тиранією Римомъ всесвѣтнымъ. Священ-
ный, звучный языкъ аравійскаго пророка не
могъ потрясти языка царей и святителей,
великихъ стражей вѣры въ евангеліе. Вой-
на, объявленная ему Персією, позорившую
и открыто и тайно народъ за его хвалеб-
ное слово христіанскому Богу, отдала
его отъ единенія съ собою.

XI.

Отъ подъема Верійскаго ущелья путе-
шественникъ останавливается на равнинѣ
Сабуртало (საბურთალოსი), гдѣ въ древности,

въ героическую эпоху народа, совершались *игры въ мяч* (Pilaris lusio.—Statius). Такъ и по этимологическому значенію грузинскаго названія, соответствующаго греческому Панкраторіумъ (Panocratōrium). Гений грековъ, перенеся сюда отъ Олимпа, гдѣ совершались эти эволюціи для упражненія силъ тѣлесныхъ. На этой равнинѣ построены нынѣ артиллерійскія казармы. Здѣсь же и вокругъ ихъ, нѣсколько мѣстъ среди видимъ сборъ полковъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и артиллеріи для смотра, ученія и упражненія. И древній міръ и новый міръ, сочувственно сошлись въ выборѣ мѣста для одинаковой цѣли.

Географъ Вахуштъ въ началѣ XVIII вѣка упоминаетъ о канавѣ Верійской, какъ бывшей при немъ и орошавшей всю *Сабуртальскую* равнину, процвѣтавшую садами.

Этой мѣстности живописной, поэтически улыбаются горныя мѣста, на которыхъ раскинуты деревни Лиси, Цкнетя и другія, опустѣвшія во дни смутъ и неотрадныя для края, Дидубе за р. Куромъ съ его церковію Богоматери Иверской, садами и колоніею

нѣмцевъ, водворившихся здѣсь въ 1818 году. Ей же улыбаются и за р. Куромъ и слѣдъ той канавы по подошвѣ горной, которая, будучи проведена изъ р. Арагвы у Живани, орошала сады и поля до Руставской долины (Караязи) и далѣе. Отъ времени князя М. С. Воронцова оживленная садами и постройками Дидубійская мѣстность, напоминаетъ путнику блистательно красовавшійся тамъ надъ рѣкою Куромъ дворецъ царицы Тамары (1184—1212), гдѣ она, по сказанію лѣтописцевъ пышно праздновала свой бракъ съ Давидомъ Сосланомъ въ 1193 году. Дворецъ обширный и вокругъ его постройки и сады, исчезли. Во время нашествія на Тифлисъ монголовъ при дочери ея царицѣ Русудани. Мѣстность Дидубійская опустѣла. Уцѣлѣла только церковь вокругъ бывшаго населенія, слабые остатки котораго помѣстились въ концѣ XVIII вѣка въ мѣстечкѣ Букіа. Исчезла и канава, обильно орошавшая сады и плантаціи дидубійскаго поля. Князь М. С. Воронцовъ и князь А. И. Барятинскій думали о возстановленіи этой гр-

гантской канавы. Проекты, составленные при нихъ, по этому предмету, ожидаютъ дальнѣйшаго движенія. Князь А. И. Барятинскій имѣлъ и другой проектъ: вести канаву отъ р. Кура у Мухеты для орошенія по правому берегу рѣки обширныхъ полей, безводныхъ до самаго Тифлиса. Мысль высокая, благодѣтельная и легко исполнимая! Среди оживленныхъ водою мѣстностей, благодатныхъ для многихъ тропическихъ растений, городъ Тифлисъ, единственный пока въ Азїи, былъ бы Дамаскомъ русскимъ, очарованіемъ Кавказа.

Вода въ Азїи и въ такихъ производительныхъ мѣстахъ, каковъ подоль Кавказа, есть необходимое условіе для жизни и процвѣтанія растительнаго царства. Это, — душа его. Не безъ причины на языкѣ грузинскомъ, древнемъ между кавказскими и азїатскими, явилась въ основаніи этимологіи слова: *помилуй* (ჰეძინაყუა) *шемицкале*, вода Господи помилуй — უფალა ჰეძინაყუა: т. е. *дай намъ воду, утоли нашу жажду, ороси насъ водою*. Безъ воды нѣтъ плантацій тамъ, гдѣ грѣетъ солнце. Когда осуществится

этотъ проектъ, тогда поздравится самая мѣстность словами поэта римскаго:

Salve magna parens frugum, Saturnia
tellus!

Magna virum

Да здравствуетъ земля Сатурна, мать плодovitая и жатвь и людей.

XLI.

Приближаясь къ Дигому, взоръ путника долженъ остановиться на его долину, богатой производительностью и при безводіи. Здѣсь—мѣста для пастьбы скота зимою. Для зимовниковъ онѣ богаты лощиною. Самое село *Дигомъ* замѣчательно обширными виноградными садами и церковію древнею во имя св. Георгія. Церковь эта съ оградою возобновлена недавно царевною Тамарою, внучкою царя Ираклія и скончавшеюся въ 1854 году. Стѣны церкви носятъ характеръ обновленія разныхъ эпохъ. Камни, которыми она облицована, вставлены по мѣстамъ неискусною рукою и носятъ надписи, не вездѣ разбираемыя.

Съ горныхъ высотъ, на которыхъ красуется село *Дигомъ* и гдѣ красуется древняя церковь св. Георгія, открывается об-

ширный ландшафтъ дигомскаго поля. Это—
Марафонъ грузинской мѣстности, воскли-
кнулъ я въ 1849 г. послѣ живаго впечат-
лѣнія, отъ осмотра мною въ томъ же
году Марафона Аттики. Здѣсь р. Куръ, въ
замѣнъ моря негропонтскаго. Очаровате-
ленъ этотъ видъ съ высотъ Дигома на до-
лину Дигома.

XLII.

Храмъ святаго, символъ неба, находится
вокругъ мѣстности, отрывка природы жи-
вописной. Онъ, высокая школа, въ которой
изучаетъ человѣкъ и величіе и высоту сво-
его призванія. Это, — не Суніумъ, древняго
Платона, проповѣдника не прочной мудро-
сти, полнотой сомнѣній, какъ волненій нрав-
ственныхъ и умственныхъ. Это, — святилище
тѣхъ истинъ, къ которымъ приближались Пла-
тонъ, Анаксагоръ и мрачный Аристотель; но
которыхъ не выражали они по высотѣ ихъ,
не вполне доступной уму безъ свѣта открове-
нія. Мурые міра и политики творили во
всѣ вѣка формы для знаній всѣхъ родовъ.
Въ этихъ формахъ являлись и лучший спо-
собъ пониманія вещей, и лучший взглядъ на

религію, и лучшее устройство общества человѣческаго, и лучшей образъ правленія для царствъ и народовъ, но недошли до искусства и знанія вводить въ эти формы душу. Отъ того онѣ остаются автоматами, и разочарованіе позднее бываетъ плодомъ горькимъ поспѣшнаго убѣжденія или увлеченія временнаго горячихъ проповѣдниковъ новыхъ идей.

Азію считаютъ неподвижною. Она точно послѣ среднихъ вѣковъ, остается неподвижною въ идеяхъ новыхъ. Она устала отъ трудовъ умственныхъ. Европа приняла на себя призваніе творить идеи и строить планы благоденствія рода человѣческаго. Это, — продолженіе древняго подвига, подвига древняго человечества отъ Индіи сокровенной, Египта загадочнаго, Персіи—современной міру монархіи, Греціи—наслѣдницы востока и Рима всесвѣтнаго, посѣявшаго сѣмена познаній по всѣмъ угламъ міра, гдѣ возникли новыя царства для новой цивилизаціи. Мы на рубежѣ конца среднихъ вѣковъ, исчезающихъ въ нашихъ глазахъ. Человѣчество ожидаетъ плода отъ новаго движе-

нія умственного, отъ новыхъ идей, новыхъ вопросовъ, иногда и древнихъ, но многимъ кажущихся новыми, разумно, нешумно провозглашаемыхъ учеными Европы, но шумно провозглашаемыхъ неразумными послѣдователями ихъ. Дай Богъ, чтобъ это рожденіе и воплощеніе новыхъ идей и созданіе по новымъ идеямъ новыхъ формъ общественнаго строя, было безболѣзненное, на радость рода человѣческаго, и безъ нихъ много испытавшаго паденій и бѣдствій. Христіанство — это откровеніе Божества, только и способно, умѣряя страсти, вѣчные враги ума человѣческаго, вести ученыхъ къ высокой цѣли—*водворить миръ во весь міръ*. На христіанствѣ, и только на этомъ твердомъ, вѣчно колебимомъ основаніи, можетъ быть построено зданіе, для помѣщенія въ немъ всѣхъ сыновъ семейства рода человѣческаго. Кодексъ его—есть кодексъ всемірный. Отступленіе отъ его правилъ и параграфовъ, есть повтореніе того паденія челоѣка въ началѣ его появленія на землѣ, причины котораго ищутъ ученые и не могутъ объ-

яснить, задавая себѣ вопросы горькіе, печальные: кто я? что я? откуда я? гдѣ я? для чего я? куда я?

XLIII.

За р. Куромъ, по лѣвому берегу ея теченія, красуются деревни *Авчала*—верхняя и нижняя. Въ послѣдней любилъ проводить иногда дни и мѣсяцы лѣтніе царь Георгій XIII. Богатая садами и виноградными и фруктовными, она была достояніемъ древняго рода князей Гурамовыхъ, родственныхъ царямъ. Они производятъ родъ свой отъ царя Гурама Куропалата (574—600). Обширное помѣстье его вокругъ могло быть дѣйствительно удѣломъ дома члена царскаго. Молчать объ этомъ хартіи вѣковъ, но не молчать названіе, значеніе мѣсть его родовыхъ, значеніе святыни Зедазнійской (569—570), входившей въ составъ удѣла противъ такого же удѣла Мухрани, образовавшагося для члена царскаго рода Баграта. Этотъ Баграть, родоначальникъ князей Багратионъ-Мухранскихъ, былъ сынъ царя Константина III и слѣдственно братъ царей Давида IX и Георгія IX. Родъ начался съ 1512.

году, и образовался удѣль князей Баграти-
довъ-Мухранскихъ.

XLIV.

Тамъ, гдѣ оканчивается долина дигомская, начинается опустѣвшее древнее село *Накулбакеви*. Это городище древнее съ укрѣпленіемъ, въ которомъ существовали лавки для торговли, давшія ему названіе: *мѣсто древняго торжища*, (*Emporium*). (*Кулбаки*) т. е. рядъ лавокъ, торговыхъ зданій на древнемъ груз. яз.). Здѣсь въ 1867 году найденъ камень съ греческою надписью времени императора Веспасіана. Накулбакеви давно уже опустѣлъ. Это, — древній кварталъ Мцхеты и продолженіе Армастики. Онъ нынѣ въ развалинахъ. Онъ есть кладбище древнее. Изъ этого кладбища перенесенъ этотъ камень въ тифлисскій музей, который вообще, по всемірному своему ученому назначенію, есть кладбище для искусствъ, отжившихъ свой вѣкъ. Вотъ и русскій переводъ этой надписи:

«Самодержецъ Кесарь Веспасіанъ, Севастось, великій первосвященникъ, облеченный трибунскою властію въ 7 разъ, самодержецъ въ 14 разъ, кон-

сулъ въ 6 разъ и предназначенный на 7 разъ; отецъ отечества, цензоръ и самодержецъ Титъ цезарь, сынъ Севастоса, облеченный трибунскою властію въ 5 разъ, цензоръ Домиціанъ цезарь сынъ Севастоса; консулъ въ 3 разъ, предназначенный на 4 разъ, царю иверійцевъ митридату, царя Фарасмана и Іамазды сыну, другу Кесаря и другу народа римскаго, выстроили крѣпость.

Надпись эта относится къ 75 году отъ Р. X. Статья объ этомъ камнѣ генераль-лейтенанта Бартоломея напечатана въ особыхъ прибавленіяхъ къ газетѣ «Кавказъ» (Тифлисъ 1868. Выпускъ 1) съ краткимъ моимъ примѣчаніемъ о географическомъ древнемъ значеніи мѣста, гдѣ найденъ камень съ надписью. Разборъ этой надписи пресѣдателемъ парижскаго азіятскаго общества J. Mohl, былъ порученъ члену общества, ученому ориенталисту Leon Renier, и онъ явился печатно въ journal Asiatique (6 Série. Tom. XIII № 49 Fevrier 1869 pag. 93—103). Изъ разбора видно, что вмѣсто слова *Ямазды*—должно быть читано *Армазы*, т. е. *обитателю Амазды* искаженной *Армази*. Замѣчаніе совершенно вѣрное.

Во всякомъ случаѣ, важно для исторіи грузинской то, что къ пополненію лѣтописей древнихъ, является въ это время во Мцхетѣ царь *Митридатъ*, сынъ или преемникъ можетъ быть того Фарасмана, который значится въ лѣтописяхъ подъ этимъ именемъ въ 72 году. Потому только, что имена царей, значущихся въ лѣтописяхъ, не сходится съ именами, встрѣчающимися иногда у греческихъ и римскихъ писателей, разрушать лѣтописи—есть дѣло неосторожнаго историка. Наука не любитъ поспѣшности, и Ланглуа неправъ, не будучи историкомъ, мечетъ война-побѣдителя сказать: *veni, vidi, vici*. Кто поспѣшитъ, тотъ насмѣшитъ, говоритъ здраво русская народная философія.

Я не смѣю и думать о званіи ученаго историка Грузіи, но занимаясь исторіею ея, не разъ испыталъ такого рода паденіе отъ поспѣшности. Прощая другимъ грѣхи ученые, я и себѣ испрашиваю прощенія у науки.

XLV.

Здѣсь, у оконечности этого, скалистыми

высотами защищеннаго укрѣпленія, оканчивался городъ и укрѣпленіе Армавъ или *Армастика* древнихъ географовъ; слѣдственно и ветходержавная Мцхета. Съ этой стороны или отъ южнаго укрѣпленія, не было въ древности никакой дороги изъ Тифлиса въ Мцхетъ. Она шла по горнымъ высотамъ отъ города и черезъ городъ Накулбакеви и спускалась къ мѣсту, известному подъ именемъ *Мухатгверди* (მუხატგვერდი), гдѣ стоитъ еще полуразрушенная башня, бывшаго населенія надъ р. Куромъ. Древніе не столько искали удобствъ для жизни, сколько крѣпкихъ мѣстъ для жизни по чувству самосохраненія. Дорога вывѣщная по подгорью укрѣпленія Накулбакеви по теченію р. Кура, пробита послѣ перенесенія столицы изъ Мцхеты въ Тифлисъ. Царь Давидъ возобновитель (1088—1125)—это Карлъ-Мартелль грузинской исторіи, пробилъ эту дорогу, не боясь персовъ, къ отпору которыхъ создалъ народъ мощный въ виду монархическаго единства отъ Понта до Каспія и отъ высотъ Кавказа до р. Дебеды, предѣла исчезшей уже при немъ

Арменіи. Географъ Вахуштъ укрѣпленіе это южное у Накулбакеви именуетъ *Девисъ-намухли* (Տրջօվ Լճմոյ Գլօ), т. е. *кольцо дива* или *укрѣпленіе исполина*. Укрѣпленіе это, упиравшееся у скалы, въ которой видна была окаменѣвшая ящерица допотопная, разбитая рабочими для расширенія дороги, оставило въ устахъ народа названіе съ древнею легендою и баснословными разсказами объ его значеніи. Разказы эти, связанные съ древнимъ вѣрованіемъ въ дивовъ мифологій, замѣчательны въ этнографическомъ отношеніи и указываетъ на дѣйство религіозное. Когда вѣрованіе какое-нибудь дѣлается народнымъ, тогда народъ же любитъ примѣшивать къ истинамъ и сказанія преувеличенныя. Всякая истина въ умѣ массы принимаетъ свои видоизмѣненія, ослабляющія ее въ своемъ основаніи, и искажающія ее. Заблужденія, превратныя толкованія, предразсудки и суевѣрія въ видахъ преувеличенія ея значенія—есть обыкновенныя ея спутницы. Ихъ неизбѣгло и христіанство въ рукахъ невѣжественной массы и даже проповѣдниковъ его, увлека-

емыхъ страстями по видамъ земнымъ для видовъ земныхъ къ стыду челоуѣчества, къ оскорбленію небесъ, подъ знаменемъ которыхъ дѣйствуетъ и подвигается умъ, съ пути своего значенія совращенный. Такое положеніе христіанства дало слабое, но во всякомъ случаѣ оружіе противъ вѣры противникамъ вѣры. Доказано, что чѣмъ кто менѣе приготовленъ въ пониманіи ея, тѣмъ болѣе шумитъ и иногда увлекаетъ слабыхъ. Въ слабостяхъ представителей религіи, видятъ слабость религіи.

XLVI.

И Накулбакеви,—городъ древній, и укрѣпленіе его далеко до временъ Веспасіана существовавшее, и пещеры подвижниковъ, уцѣлѣвшія и церковь,—развалины отъ развалины сиротствующая, пусты. Пуста сцена, но полна воспоминаній о событіяхъ прошедшаго. Память народная, или что тоже исторія, выводитъ на арену лицъ, когда-то дѣйствовавшихъ, когда-то разсуждавшихъ и распѣвавшихъ пѣсни и въ честь огня персовъ, и въ честь боговъ Олимпа, который долго, долго еще будетъ небомъ

воображенія человѣческаго. Трудно безъ сочувствія къ этому мѣсту пройти молчаніемъ путнику, ищущему древностей. Однѣ только персы временъ ихъ паденія, пораженные слѣпотю Эдипа, не поняли для себя значенія Грузіи, какъ лучшаго своего Валистана. Нападали на нее и разрушали. Сочувствія къ нимъ нѣтъ въ исторіи народовъ, и путникъ невольно вспомнить и произнесетъ безсмертный стихъ Данте:

Non ragionar di lor, ma
guarda et passa.

Я не войду въ судъ объ нихъ;
Но взглянулъ я, и прошелъ мимо.

ბრძოლებს მათთვის სიტუაციას,
ძიებდეს & წაველ უფსს.

Опустѣвшее это городище, звучное именемъ звучнымъ Веснасіана, грознаго покорителя Иерусалима, является въ географіи края краемъ апокалипсиса, пораженнымъ по гнѣву небесъ словами какого-то грознаго пророка. Ни одной въ немъ живой души. Ни какой говоръ человѣческій, не потрясаетъ его поэтической атмосферы на

высотъ горъ и въ виду Мухеты, Зедазени, церкви св. креста за Арагвою. Невидно на его высотахъ паденія благодатной росы Эрмона. Уединеніе это создано для поэта и философа, стихія которыхъ есть живописная натура вокругъ и вѣяніе симпатичное на нихъ парящихъ духомъ древности храмовъ и святилищъ, сообщающихъ имъ потокомъ обилія мысли высокія, глубокія, истинныя.

XLVII.

Я видѣлъ въ 1849 году въ Атикѣ Синіумъ Платона и удивлявшій храмъ его времени и удивлялся идеямъ царя философовъ. Чего искалъ Платонъ на высотъ Колонъ въ Синіумѣ, богомъ натурою, того обильно и плодотворно отыщутъ философъ и поэтъ на этой высотъ воздушной, проникаемой со всѣхъ сторонъ вѣяніемъ христіанскихъ памятниковъ. Истины христіанства есть и будутъ истинами человѣчества. Отстающій отъ нихъ и слишкомъ опережающій ихъ, — всегда будутъ въ опасности. Прогрессъ ихъ, въ приложеніи къ человѣчеству, есть и долженъ быть постепенный.

Вся эта, когда-то укрѣпленная мѣстность древняго торжища, извѣстна въ грузинскихъ лѣтописяхъ и въ устахъ народа подъ именемъ *карсани*. По древней географіи это кварталъ Мцхеты. Во времена язычества въ эпоху грубую и темную антропофагизма, онъ, по присловію, существовавшему еще при Вахуштѣ, долженъ былъ другому кварталу *Кодману* 5 труповъ человеческихъ. Малая церковь карсанская во имя Божіей матери еще цѣла, какъ цѣлы еще по мѣстамъ пещеры, недоступныя для посѣтителей. Среди безлюдія вокругъ, водворились въ нихъ птицы и ласточки выютъ себѣ гнѣзда. Онѣ замѣнили пѣніемъ своимъ пѣніе людей. Натура начинаетъ свой гимнъ тогда, когда человѣкъ оканчиваетъ свой. По временамъ года мцхетцы водятъ на эти высоты скотъ для пастбы, напоминающія нѣжнѣйшій, вукопческій стихъ царя римскихъ пѣвцовъ *Виргилія*:

Pascite, ut ante boves, pueri.

XLVIII.

Что такое эти пещеры? Онѣ эпоха дохристіанской. При укрѣпленіяхъ скалистыхъ

подобныя пещеры и тѣнели къ водѣ считались въ древности необходимыми. Троглодитскія работы въ криптахъ горъ не принадлежатъ къ эпохѣ циклопѣвъ, но являлись во все время. Во дни юности моей, дѣтская неосторожность возбудила мое любопытство проникнуть въ это орлиное гнѣздо надъ бѣздною обрыва. Съ товарищемъ моимъ по воспитанію, усилъ проникнуть не безъ страха въ одну изъ этихъ пещеръ, имѣвшихъ фигуру квадратную до 1½ сажени съ такою же высотой. Вспоминаю теперь это мое похождение минувшихъ лѣтъ и прилагаю къ нему стихи Данте въ описаніи ужаса у дверей ада:

Per me si va nella citta dolente,

Per me si va nell' eterno doloré,

Per me va tra la perduta gente,

Lasciate ogni speranza voi ch' entrate.

ამაგზით მოკლენ, აქ ქლასსა სძმწუხარობსა,

ამაგზით მოკლენ, აქ სეტანჯუტლსა სსუკუნობსა,

ამაგზით ნათესავის მის, აქ დანთქმული სს შუქობსულო.

დასტოვით იმედი ყოველი, ვინცაგან აქა
შემობნულთ,

Христианство, отнявъ эти пещеры у боговъ, дало имъ свое свѣтлое назначеніе. Оно обратило ихъ или въ моельни, или въ хранилища церковныхъ вещей, или въ жилище уединившихся на слезы, молитвы и жизнь созерцательную. Молитва—не есть изобрѣтеніе искусства. Она родилась въ моментъ перваго печальнаго вздоха сердець, при первомъ кликѣ радости. Въ ней только и видится божественное въ человѣкѣ, по натурѣ своей высокой, парящемъ къ безконечному. Молитва — это крылья души безсмертной, на которыхъ она возносится къ небесамъ или къ той сферѣ, которой она принадлежитъ по существу своему.

Изъ памяти къ нимъ древней и уваженія къ святынѣ, малой разрушенной церкви, приходятъ по обѣту богомольцы и утѣшаются молитвенно. Вокругъ,—пустыня безлюдная. Нѣтъ остатковъ зданій, украшавшихъ не только эту мѣстность древняго города, продолженія Армаза, извѣстнаго Птолемею и Плинію, но и всю линію

отъ юга на сѣверъ на протяженіи 3 или 4 верстѣ горнаго и подгорнаго положенія до церкви св. Нины и ущелья армазскаго. Здѣсь все напоминаетъ великую гробницу, востерившую кости усиленныхъ и самыя камни ихъ покрывавшія. Въ лѣтописяхъ грузинскихъ вышется рѣсодически, что *до Накулбакева продолжалось население Мухеты*. Довольно этихъ словъ для опредѣленія значенія описываемыхъ мѣстъ подъ перомъ историка позднато. Остальное дополняется указаніями остатковъ слабыхъ и неслабыхъ, подробныхъ и отрывистыхъ народа царственнаго.

Я видѣлъ развалины Аѳинъ и Коринѳа, и безъ Парзанія они остались-бы дою загадкою для насъ, въ какую ставятъ насъ Накулбакеви, Накалакеви, Мухеть, Армастца—иные свидѣтели миновавшаго. Грузія не Греція, но назову ее странною *великихъ событий*, какъ назвалъ Эпаминондъ Грецію, свою отчизну. Грузія, къ услугамъ христіанскаго міра, оберегая ввѣренный провидѣніемъ ей отъ зари вѣковъ кавказскій перешеекъ, какъ великія врата изъ

Азія въ Европу, сдѣлала больше, чѣмъ Греція съ ея шумными спорами о вѣрѣ, ее сразившими. Она не имѣетъ Фалесовъ, Анаксагоровъ, Фидіасовъ, но имѣетъ своихъ Леонидовъ, Кодровъ, Солоновъ, Аристидовъ и Сократовъ христіанскихъ. Она была крѣпкою стѣною противу напора завоевателей, смѣло шагавшихъ путемъ Кавказа въ Европу. Ея цари, — Карлъ Мартеллы противъ исламизма, постоянно сокрушавшагося у ея твердыхъ скалъ. Ея обитатели, рыцарь креста, останавливали, какъ скала волны морскія, порывъ враждебный грозныхъ сыновъ магометанскаго фанатизма. Услуги этого христіанскаго царства для человѣчества, велики въ исторіи міровой. Оно, успокоенное нынѣ подъ сѣнію великаго русскаго царства, не можетъ ими не величаться. Православіе великаго народа русскаго прикрыло православіе грузинскаго царства щитомъ своимъ. Будетъ время, когда оно, торжествующее на Кавказѣ, введетъ и эти, прославившія вѣру и народъ имена въ свой обширный, полсвѣтннй храмъ безсмертія

земнаго, историческаго, начальнаго шага къ безсмертію небесному. Единство вѣры есть единственное звено, соединяющее племена и народы. Единство общности идей, особенно религіозныхъ, творить могучую и полезную симпатію. Единство общности этихъ идей важнѣе и сильнѣе, чѣмъ общность отечества.

XLIX.

Иду дальше и останавливаюсь у моста мхетскаго, перекинутаго чрезъ р. Куръ или Сугус древнихъ географовъ. Мостъ этотъ, извѣстенъ подъ именемъ моста Помпея и Митридата. Здѣсь любилъ останавливаться царь Ираклій II (1744—1798), именуемый императрицею Екатериною II въ письмѣ къ Вольтеру *потомкомъ Митридата* (*). Родникъ живой воды по право-

(*) Вотъ и подлинныя слова императрицы къ Вольтеру (S. P. B. ²/₁₅ дек. 1770):

« M. Tottleben est allé attaquer Potis sur la mer Noire. Il ne dit pas grand bien des successeurs de Mitridate. Mais en revanche il trouve le climat de l'ancienne iberie le plus beau du monde. . . . »

Въ перепискѣ Екатерины II съ Вольтеромъ, есть

му берегу Кура утолялъ его жажду. Этотъ родникъ вытекаетъ въ подножіи вулканическихъ горъ, опоясывающихъ Мцхету съ юго-запада. Горы вулканическаго образованія, по замѣчанію ученыхъ, не даютъ токовъ воды, какъ только нижними своими оконечностями. Этотъ самый родникъ свѣтъ

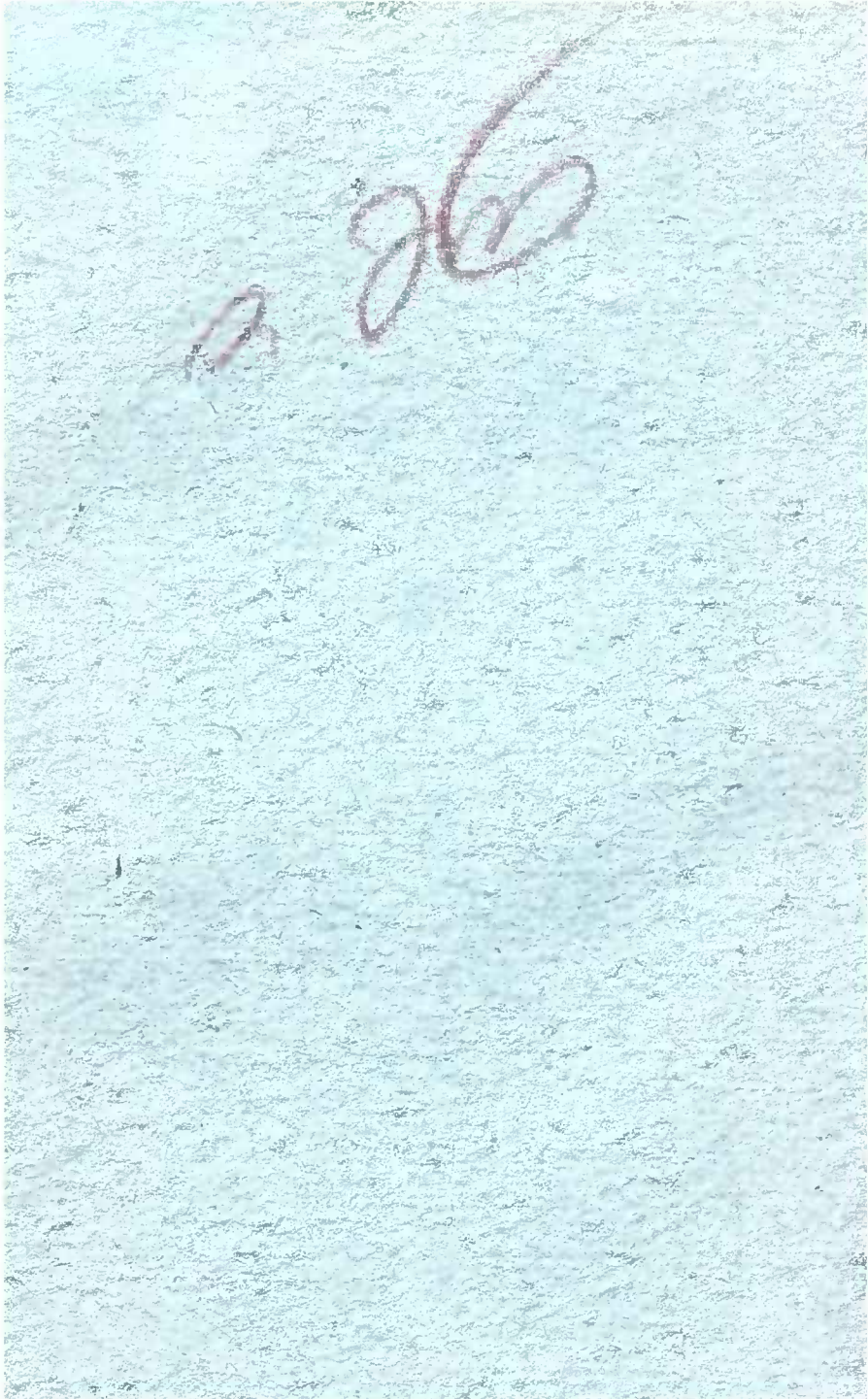
и два указанія на Грузинъ и царя Ираклія. Одно изъ нихъ отъ Вольтера къ императрицѣ, а другое отъ императрицы къ Вольтеру. И то и другое помѣщаю я здѣсь, какъ матеріалъ для исторіи и для любопытства въ подлинникѣ.

. Il parait un manifeste des Géorgiens, qui declare net qu'ils ne veulent plus fournir des filles à Mustapha. Je souhaite que cela soit vrai, et que toutes leurs filles soient pour vos braves officiers, qui le méritent bien; la bauté doit etre la recompense de la valeur

A Ferney 2 janvier 1770.

. Le Géorgiens en effet ont levé le bouclier contre les Turcs, et leur refusent le tribut annuel de recrues pour le sérail. Héraclius, le plus puissant de leurs princes, est un homme de tete et de courage. Il a sidevant contribué à la conquête de l'inde, sous le fameux Chah-Nadir. Je tiens cette anecdote de la propre bouche du pere d'Héraclius, mort isi, à Pètersbourg, en 1762

Le 2/19, janvier 1770.

947.922

U 757